

**Королевский Объединенный Институт
Оборонных Исследований**

Специальный выпуск

Исследование Факторов, Способствующих Радикализации Среди Трудовых Мигрантов из Центральной Азии в России

Мохаммед С Элшими в сотрудничестве с Раффаелло Пантуччи, Сарой Лейн
и Надин Л Салман

Исследование Факторов, Способствующих Радикализации Среди Трудовых Мигрантов из Центральной Азии в России

Мохаммед С Элшими в сотрудничестве с Раффаелло
Пантуччи, Сарой Лейн и Надин Л Салман

Специальный выпуск RUSI, апрель 2018 года

Королевский Объединенный Институт
Оборонных Исследований

187 лет независимого мышления по вопросам обороны и безопасности

Королевский Объединенный Институт Оборонных Исследований (RUSI) является старейшим в мире и ведущим в Великобритании аналитическим центром в области обороны и безопасности. Его миссия заключается в том, чтобы способствовать проведению общественных дискуссий о более безопасном и стабильном мире, влиять на них и информировать по соответствующим вопросам. RUSI является научно-исследовательским институтом, который проводит независимый, практический и инновационный анализ для решения сложных современных задач.

С момента основания RUSI в 1831 году, сотрудники института являются главным его активом. Благодаря доходам от исследований, публикаций и конференций, RUSI поддерживает свою политическую независимость на протяжении 187 лет.

Мнения, выраженные в этой публикации, принадлежат автору (-ам) и не являются точкой зрения RUSI или любого другого учреждения.

Это исследование проводилось при финансовой поддержке Правительства Великобритании. Исследовательский отчет не отражает официальную точку зрения Правительства Великобритании.

Опубликовано в 2018 году Королевским Объединенным Институтом Оборонных Исследований.

Данная работа лицензирована в соответствии с лицензией Creative Commons Attribution - Non-Commercial - No-Derivatives 4.0 International Licence. Для получения дополнительной информации см. <<http://creativecommons.org/licenses/by-nc-nd/4.0/>>.

Специальный выпуск RUSI, апрель 2018. ISSN 2397-0286 (электронная версия); ISSN 2397-0278 (печатная версия).

Отпечатано в Великобритании компанией Steven Austin and Sons, Ltd.

Королевский Объединенный Институт
Оборонных Исследований
Уайтхолл
Лондон SW1A 2ET
Великобритания
+44 (0)20 7747 2600
www.rusi.org
RUSI зарегистрированная
благотворительная организация
(№2110639)

Содержание

Признательность	7
Предисловие	9
Краткое содержание	11
Рекомендации	13
Введение	15
<i>Раффаелло Пантуччи и Мохаммед С Элшими</i>	
Методология	
I. Трудовые мигранты из Узбекистана	25
<i>Мохаммед С Элшими</i>	
II. Трудовые мигранты из Кыргызстана	45
<i>Сара Лейн</i>	
III. Трудовые мигранты из Таджикистана	60
<i>Надин Л Салман</i>	
IV. Анализ	73
<i>Мохаммед С Элшими</i>	
V. Заключение	79
<i>Мохаммед С Элшими и Раффаелло Пантуччи</i>	
Приложение	81
Об авторах	85

Признательность

ДАННЫЙ ПРОЕКТ является результатом огромной работы многих людей, работающих в RUSI и за его пределами. Прежде всего, выражаем особую благодарность Кенешбеку Сайназарову за то, что он был движущей силой всего проекта, а также его коллегам Сэмюэлу Файфу, Кундуз Кыдыровой и Майклу Шиплеру. Мы также очень благодарны профессору Виталию Наумкину и доктору Николаю Плотникову и их коллегам из Института востоковедения Российской академии наук за сотрудничество и поддержку как в работе с исследовательской группой на местах, так и в реализации всего проекта. Мы также глубоко признательны команде исследователей из Центральной Азии, которые были направлены на полевые задания и взяли на себя трудную роль по непосредственному проведению интервью. Этот исследовательский проект был бы невозможен без их тяжелой работы и самоотверженности. Особая благодарность Алексею Анатольевичу Маринину (Россия), Максиму Александровичу Ушанову (Россия), доктору Нурбеку Ашимкановичу Омуралиеву (Кыргызстан), Кайратбеку Джамангулову (Кыргызстан), Абдунаби Сатторову (Таджикистан), Махрамбеку Анварбековичу Махрамбекову (Таджикистан), Саиде Арифхановой (Узбекистан) и доктору Бахтияру М Бабаджанову (Узбекистан). Их возглавил неутомимый Эмильбек Джураев, который также провел важный анализ для этого отчета. И, наконец, мы благодарны нашим коллегам Эмили Винтербосэм и Джосс Микинс за их поддержку на разных этапах проекта, а также нашей редакции в лице Эммы Де Анджелис и Эда Мортимера за их терпение в реализации проекта.

Этот отчет в основном подготовлен RUSI. В целом проект был осуществлен в сотрудничестве с Search for Common Ground, РАН, группой исследователей из Узбекистана, Таджикистана и Кыргызстана во главе с Эмильбеком Джураевым из Американского университета Центральной Азии и RUSI. В состав команды из Узбекистана вошли Бахтияр Бабаджанов (кандидат наук, независимый исследователь) и Саида Арифханова (Центр изучения региональных угроз). Команду из Таджикистана представляли Абдунаби Сатторзода (кандидат наук, Таджикская академия наук имени Рудаки) и Махрам Анварзод (независимый исследователь). В состав команды из Кыргызстана вошли Кайратбек Джамангулов (PhD, Центр социальных исследований Академии наук Кыргызской Республики), Нурбек Омуралиев (PhD, Центр социальных исследований, Кыргызская академия наук) и Алишер Хамидов (независимый исследователь).

Все партнеры внесли определенный вклад на различных этапах, но каждая организация несет ответственность за собственную финальную публикацию. RUSI является ответственным за издание доклада на английском языке, РАН - на русском языке, центральноазиатские стороны - за версии для Узбекистана, Таджикистана и Кыргызстана.

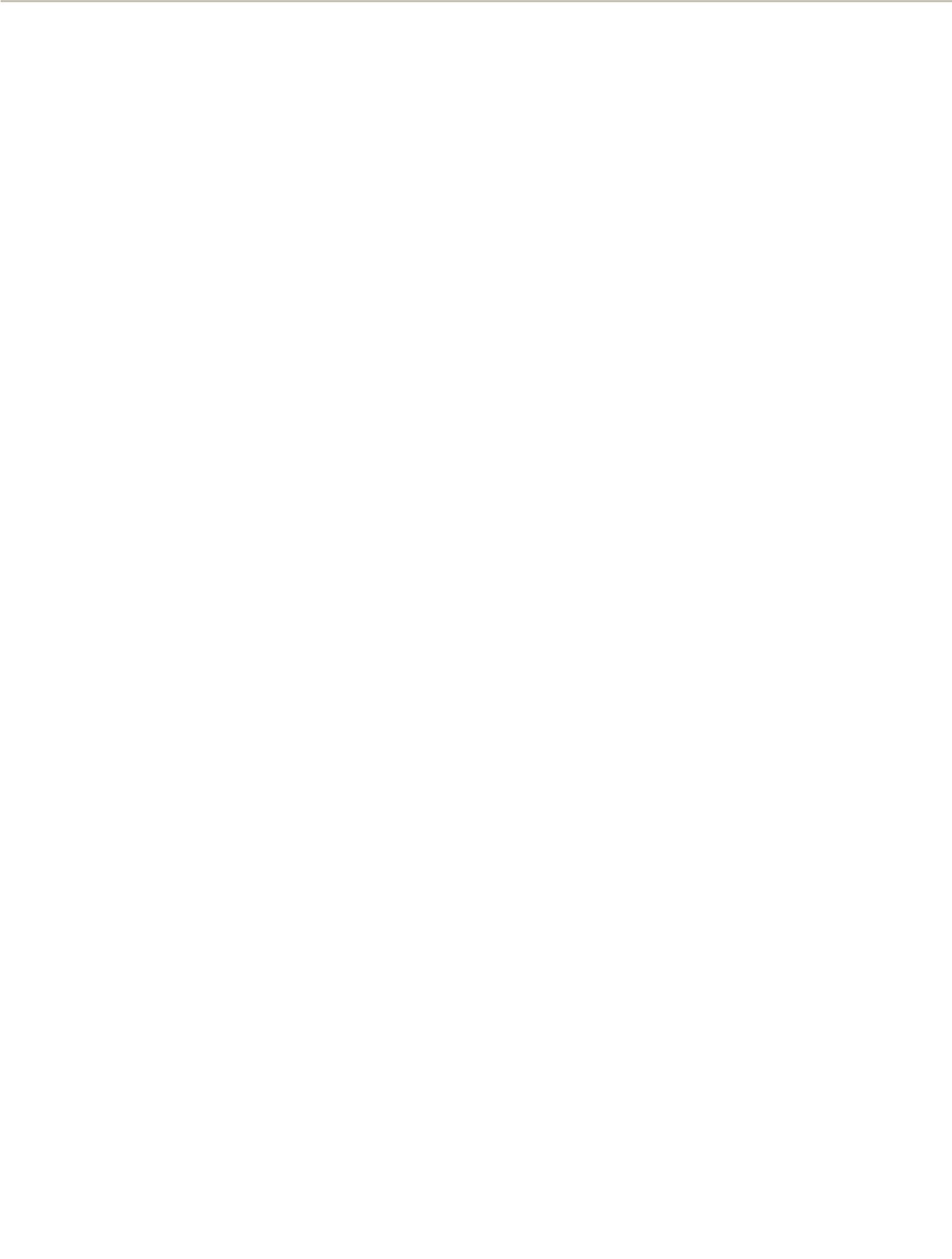

Предисловие

Данный проект был реализован в течение шести месяцев. В рамках первого этапа была разработана методология проекта на трехдневном семинаре в Москве в конце мая 2017 года под руководством Королевского Объединенного Института Оборонных Исследований (RUSI) на базе Института Востоковедения Российской академии наук (РАН), который также внес существенный вклад в процесс первоначальной разработки и последующей реализации проекта. В состав исследовательской группы вошли исследователи из разных стран и трех заинтересованных сторон проекта: Search for Common Ground (SFCG), РАН и RUSI. Участники группы провели встречу, чтобы согласовать ключевые термины, концепции и методологию, включая обучение исследовательской этике. Второй этап проекта включал проведение полевых работ и сбор данных в России. Это было осуществлено исследователями из Центральной Азии, отобранными SFCG (из трех целевых центральноазиатских стран, исходя из предположения, что языковая и культурная общность исследователей будет способствовать их успешной работе на местах), и сотрудниками РАН, которые обеспечили получение соответствующих разрешений от властей РФ и сыграли решающую роль в успешном проведении интервью. Полевые работы были проведены между 1 и 28 июня 2017 года в 13 городах России, в семи регионах страны. В рамках исследования были охвачены следующие территории, поскольку они являются ключевыми местами для передвижения и проживания трудовых мигрантов из Центральной Азии::

- Дальневосточный округ: Хабаровск.
- Сибирский округ: Красноярск, Иркутск, Новосибирск.
- Уральский округ: Екатеринбург.
- Приволжский округ: Самара, Саратов.
- Южный округ: Астрахань, Краснодар, Сочи.
- Центральный округ: Москва и Московская область.
- Северо-Западный округ: Санкт-Петербург.

Третий этап проекта включал расшифровку интервью и их перевод на английский язык. На четвертом этапе исследовательские группы анализировали собранные данные. Учитывая объем данных, проведение данных двух этапов проводилось параллельно. В середине цикла анализа РАН, SFCG и RUSI провели трехдневный семинар в Алматы в Казахстане для обсуждения предварительных выводов, концептуальных вопросов и подготовки проекта документов. На заключительном этапе были составлены и утверждены итоговые доклады. Были разработаны три доклада, каждый для своей целевой аудитории: во-первых, отчет на английском языке, в основном разработанный сотрудниками RUSI; во-вторых, отчет для стран региона (Кыргызстан, Узбекистан, Таджикистан и Россия); и, наконец, отчет на русском языке, в основном разработанный сотрудниками РАН. Каждый доклад включает в себя политические рекомендации для правительств Российской Федерации и стран Центральной Азии. Все они основаны на анализе одних и тех же данных, но, из-за разных целевых аудиторий и авторов, содержат немного отличающиеся рекомендации и выводы.

Краткое содержание

ДАННЫЙ СПЕЦИАЛЬНЫЙ ВЫПУСК посвящен исследованию факторов, способствующих радикализации и росту насильственного экстремизма среди трудовых мигрантов из Кыргызстана, Таджикистана и Узбекистана в России. Исследователи провели 218 интервью (в числе опрошенных - 67 узбеков, 83 кыргыза и 68 таджиков) с трудовыми мигрантами, экспертами и местными чиновниками в тринадцати городах в семи регионах Российской Федерации.

В данном исследовании феномен трудовой миграции рассматривается сквозь призму радикализации и насильственного экстремизма, а не с точки зрения экономики миграции или социологического восприятия трудового мигранта. Цель этого исследования - понять более широкие политические, экономические, социальные, институциональные и культурные условия, которые при определенных обстоятельствах могут привести к насильственному экстремизму или способствовать восприимчивости людей по отношению к экстремистской пропаганде.

В этом отчете представлены результаты исследований с точки зрения восприятия факторов, способствующих насильственному экстремизму, а не причинно-следственных факторов, ведущих к насильственному экстремизму. С методологической точки зрения, в идеале исследовательский проект должен был бы основываться на опросе непосредственно самих насильственных экстремистов, но по различным практическим и этическим причинам это невозможно. Вследствие этого, исследование посвящено среде, в которой происходит радикализация. Многие респонденты, опрошенные в рамках данного исследования, никогда не встречали никого, кто был радикализован или подвергся экстремистской вербовке. Тем не менее, некоторые респонденты действительно лично знали людей, которые были радикализованы или подверглись экстремистской вербовке. Данные, полученные из интервью с теми респондентами, которые близко знали кого-то, кто был радикализован, более надежны, чем другие из общей выборки. Этот отчет в большей степени основывается на таких данных.

Исходный уровень насильственного экстремизма и терроризма среди выходцев из Центральной Азии, работающих в России, является низким: довольно редко такие случаи проявления насильственного экстремизма, как террористические атаки, заговоры и участие в рядах иностранных боевиков со стороны центральноазиатских трудовых мигрантов в России. Даже по самым смелым оценкам, численность выходцев из Центральной Азии, которые присоединились к боевым действиям в Сирии и Ираке, не превышает нескольких тысяч. Из них лишь некоторые из них могут быть идентифицированы как имеющие опыт трудовой миграции в России и бывшие частью местного сообщества трудовых мигрантов, которое насчитывает не менее 2 миллионов человек (по самым низким оценкам, в то время как некоторые неофициальные подсчеты говорят о цифре вдвое больше). Другими словами, лишь незначительное меньшинство мигрантов вовлекается в насильственную экстремистскую деятельность.

Восприятие структурных мотиваций: нет четких доказательств прямой связи между маргинализацией трудовых мигрантов и способствующими факторами, которые могут привести людей к насильственному экстремизму. Однако, несмотря на различный опыт миграции у выходцев из разных центральноазиатских стран, есть некоторые признаки структурных факторов в процессе трудовой миграции, ведущих к маргинализации, исключению и отчуждению во всех трех группах (киргызских, таджикских и узбекских), которые охвачены данным исследованием. Эти выводы подтверждают более широкий дискурс и ограниченную литературу о жизни трудового мигранта в России. Полученные данные показывают три потенциальные структурные мотивации: во-первых, административные, юридические и финансовые проблемы мигрантов в процессе регистрации вынуждают некоторых мигрантов не регистрироваться на законных основаниях и вместо этого работать в России на нелегальной основе. Вследствие этого, незаконные мигранты становятся уязвимыми и в более широких аспектах. Во-вторых, экономическая эксплуатация некоторыми лицами мигрантов, сопряженная с финансовыми трудностями и бедностью мигрантов, вынуждает меньшинство искать другие способы выживания. Наконец, стигматизация и секьюритизация трудовых мигрантов в целом могут привести к их социальной маргинализации, а также способствовать росту недовольства. Все эти факторы могут влиять на процесс радикализации, но в то же время не обязательно являются определяющими его факторами.

Восприятие факторов, способствующих насильственному экстремизму: есть некоторые фрагментированные и ограниченные свидетельства того, что насильственные экстремисты намеренно вербуют центральноазиатских трудовых мигрантов в России. Собранные данные дают понять, кем являются вербовщики и какие методы они используют для привлечения новобранцев, однако в целом остается значительный пробел в нашем понимании этих групп/организаций/сетей в России и в более широком регионе. Значительное число респондентов говорили о роли социальных медиа в процессе радикализации и вербовки. В частности, подчеркивалась их важность в обеспечении доступа к просмотру видеороликов с экстремистским экстремизмом, а также для получения контента через приложения связи. Было также отмечено, что такое интенсивное воздействие контента экстремистского содержания является более характерным для России, чем для стран Центральной Азии, в силу большей доступности смартфонов и более стабильного интернета.

Также было высказано мнение, что Россия является более благоприятной средой для принятия насильственных экстремистских идей, чем страны Центральной Азии. По мнению опрошенных респондентов, с недавних пор Россия проводит более толерантную политику в отношении религиозных практик, чем правительства в Центральной Азии.

Наконец, в некоторых случаях некоторые переселенцы в России, которые испытывают кризис культурной идентичности и не могут адаптироваться в своей среде, принимают более категорическую форму идентичности, такую как глобальная исламская идентичность, которая потенциально делает их более восприимчивыми к мобилизации по международным каналам. Насильственные экстремисты используют эту благоприятную среду.

Восприятие индивидуальных стимулов для участия в насильственном экстремизме: не имеется исчерпывающих свидетельств того, почему трудовые мигранты из Центральной Азии, работающие в России, едут воевать в третьей стране.

Однако большинство респондентов считают, что денежный стимул (“жадность”) является основным мотивом для присоединения к экстремистским группам. Вторым наиболее упоминаемым стимулом для мигрантов, участвующих в насильственном экстремизме, является религия. Это открытие поразительно, потому что в большинстве литературы по радикализации дискурс о “жадности” (деньгах) занимает менее заметное место, чем дискурс о важности “вероисповедания”

(религии/идеологии). В то время как некоторые респонденты действительно упоминали, что несколько человек были мотивированы более эмоциональными причинами, такими как долг защищать мусульман в Сирии от воспринимаемого угнетения, или идеалистическими мотивами по созданию нового утопического общества, многие респонденты на самом деле были циничными при обсуждении роли религии в насильственном экстремизме. Многие респонденты рассматривали религию как уловку, используемую вербовщиками для достижения своих целей. Опрошенные также не имели достаточно знаний об идеологии, как с точки зрения ее доктринальных особенностей, так и ее роли в продвижении насильственного экстремизма. Тем не менее, доминирующее восприятие среди участников должно рассматривать в сравнении с мнением респондентов, которые действительно лично знали кого-то, кто был завербован и радикализован для насильственного экстремизма, и которые подчеркивали, что деньги не являются мотивацией. Вместо этого они подчеркивали духовные, религиозные и идеологические побуждения.

Восприятие тех, кто наиболее подвержен риску и уязвим к насильственному экстремизму: нет типичных характеристик насильственного экстремиста или предрасположенности к радикализации среди трудовых мигрантов. Также мало или совсем нет четких и неопровержимых доказательств того, что делает мигрантов из Центральной Азии, трудящихся в России, восприимчивыми к пропаганде насильственного экстремизма. Этот факт еще более осложняется культурными, этническими и историческими различиями между тремя различными группами трудовых мигрантов (из Кыргызстана, Таджикистана и Узбекистана). Тем не менее, собранные данные позволяют идентифицировать четыре типа людей, которые, по мнению респондентов, более уязвимы и подвержены риску насильственного экстремизма: (1) молодежь, (2) нелегальные мигранты, (3) необразованные мигранты и (4) одинокие люди.

Восприятие существующих источников устойчивости: радикализация и вербовка в ряды насильственных экстремистов остается незначительной проблемой среди трудовых мигрантов в России. Такой низкий уровень насильственного экстремизма респонденты объясняют в большей степени не личностными, а контекстуальными факторами, которые включают: временами положительную роль российских властей на местном уровне; роль лидеров общин, таких как лидеры диаспоры, руководители организаций гражданского общества, консульские и дипломатические должностные лица, предприниматели, руководители и профсоюзные лидеры на рабочем месте и религиозные лидеры; общественная и социальная поддержка; занятость; роль семьи, включая руководство семейных старейшин или бригадиров на рабочем месте; положительное влияние религии; и уровень образования. Каждое объяснение правдоподобно, но само по себе недостаточно для всестороннего объяснения устойчивости. Вполне вероятно, что эти факторы, действующие в совокупности, сдерживают насильственный экстремизм среди трудовых мигрантов.

Рекомендации

Более активное региональное сотрудничество для борьбы с насильственным экстремизмом: правительствам России и Узбекистана, Таджикистана и Кыргызстана необходимо усилить существующие региональные инициативы по борьбе с терроризмом и противодействию насильственному экстремизму. Уже существует несколько региональных учреждений, которые рассматривают эти проблемы и стремятся решать проблемы насильственного экстремизма (НЭ). Например, Антитеррористический центр Организации Договора о коллективной безопасности (ОДКБ) занимается этим вопросом напрямую, и у них есть южный филиал в Бишкеке. Этот вопрос также входит в повестку дня Шанхайской организации сотрудничества. Россия и ОДКБ также сотрудничают по инициативе о безопасности в Интернете в рамках кибербезопасности, которая включает НЭ. Однако эффективность этих инициатив пока неясна.

Российским властям необходимо продолжить взаимодействие с сообществами диаспор: в некоторых случаях правоохранительные органы и службы безопасности уже имеют продуктивные отношения с центральноазиатскими общинами по вопросам безопасности, и необходимо сохранить

такую позитивную вовлеченность на основе доверия. Кроме того, следует поощрять дальнейшую поддержку лидеров общин диаспоры Центральной Азии, поскольку они уже делают без огласки большую работу по защите своих общин от насильственного экстремизма.

Разработать стратегию по возвращению иностранных боевиков-террористов в Россию и страны Центральной Азии: данный документ не рассматривает, какие меры должны быть приняты для возвращения насильственных экстремистов (или иностранных боевиков-террористов) в Россию или их родную страну в Центральной Азии, потому что этот вопрос выходит за рамки расследования. Во время проведения исследования, такая обратная миграция становилась все более заметной темой при обсуждении радикализации. Стали появляться истории людей, возвратившихся с поля битвы. Определение того, как направить этот поток обратно в Россию и Центральную Азию, требует тщательных усилий. Некоторые страны, такие как Кыргызстан, уже приняли законодательство, запрещающее таким лицам возвращаться, и арестовали ряд подозреваемых.

Дальнейшие исследования для заполнения выявленных пробелов в знаниях: приоритеты для дальнейших исследований должны быть следующими: (1) углубленное исследование роли экстремистских организаций и международных сетей, действующих в России (и их потенциальных связей с Северным Кавказом - подробная информация, на которую неоднократно ссылались опрошенные респонденты); (2) понимание уязвимости незаконных трудовых мигрантов в России и их связи, если таковая имеется, с насильственным экстремизмом. Собранные данные свидетельствуют, что иммиграция это сложный опыт, и это касается не только России, но то, как именно это влияет на склонность к радикализации, требует большего количества исследований, в том числе интервью с разными типами респондентов; и (3) лучшее понимание того, как обращаться с иностранными боевиками-террористами, возвращающимися в Российскую Федерацию и более широкий русскоязычный мир из конфликтных зон на Ближнем Востоке.

Введение

Раффаелло Пантуччи и Мохаммед С Элшими

РАДИКАЛИЗАЦИЯ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ (определяемая как пять стран - Казахстан, Кыргызстан, Таджикистан, Туркменистан и Узбекистан) является давней проблемой как в регионе, так и на международном уровне.¹ Однако насилие, исходящее из региона и из местных сообществ, всегда было редким явлением. Гражданская война в Таджикистане в 1990-х годах и конфликт в Афганистане (как до, так и после вывода советских войск) вовлекли некоторых центральноазиатских граждан и способствовали развитию сетей центральноазиатских джихадистов, но нападения в регионе или вне его с участием центральноазиатских граждан в этот период были редкими. Однако в последнее время произошло несколько инцидентов по всему миру с участием выходцев из стран Центральной Азии, которые провели террористические атаки для продвижения целей ИГИЛ (также известных как Исламское государство Ирак и Сирия, ISIS). Совсем недавно, в 2017 году, нападения в Нью-Йорке, Стокгольме, Санкт-Петербурге и Стамбуле были связаны с выходцами из региона. И в августе 2016 года нападение на посольство Китая в Бишкеке, возможно, связанное с конфликтом в Сирии, показало, как угроза может материализоваться на родине².

Кроме того, центральноазиатские граждане были идентифицированы в числе выехавших для участия в военных действиях в Сирии и Ирак, хотя все еще остается неясным, все ли они прибыли из России, Центральной Азии или откуда-либо еще, и где именно они были радикализированы³. В соседнем Афганистане и Пакистане в течение некоторого времени выходцы из Центральной Азии были замечены в конфликтах, хотя их численность остается спорным вопросом⁴. Ясно, что те, кто вовлекается в террористическую деятельность или отправляется на поля битвы джихадистов это меньшинство центральноазиатских стран, однако в понимании их мотивов есть серьезный пробел, который должен быть заполнен текущими исследованиями по вопросам радикализации насилия.

¹ Например, см. Ахмед Рашид, *Джихад: Восстание воинствующего ислама в Центральной Азии* (Penguin, 2003). Обеспокоенность данной проблемой значительно возросла после нападения 11 сентября на Соединенные Штаты, хотя всегда витала в воздухе после падения Советского Союза.

² Радио Свободная Европа, "Кыргызстан приговорил троих по делу о нападении на китайское посольство", 28 июня 2017 года.

³ Оценки числа вовлеченных существенно различаются. В докладе Группы Суфан в декабре 2015 года было выявлено чуть более тысячи человек из Центральной Азии, а отчет Международной кризисной группы в январе 2015 года назвал цифру от 2000 до 4000 человек. См. The Soufan Group, 'Foreign Fighters: An Updated Assessment of the Flow of Foreign Fighters into Syria and Iraq' ("Иностранные боевики: обновленная оценка потока иностранных боевиков в Сирию и Ирак"), декабрь 2015 года; International Crisis Group, 'Syria Calling: Radicalisation in Central Asia' ("Сирийский призыв: радикализация в Центральной Азии"), Europe and Central Asia Briefing No. 72, январь 2015 года.

⁴ О степени вовлечения выходцев из Центральной Азии в боях в Афганистане, см. Кристиан Блейер и Саид Реза Каземи, 'Between Co-operation and Insulation: Afghanistan's Relations with the Central Asian Republics' ("Между сотрудничеством и изоляцией: отношения Афганистана с центральноазиатскими республиками"), Доклад ассоциации афганских аналитиков, июнь 2014. О более недавнем примере в Пакистане см. информацию относительно нападения Исламского движения Узбекистана на аэропорт Карачи в июне 2014 года или недавние заявления правительства Афганистана об иностранных боевиках в Афганистане.

В последнее время миграция и, в частности, экономическая миграция оценивается как фактор, связанный с повышенной восприимчивостью центральноазиатских лиц к радикализации и вербовке в экстремистские группы.⁵ Хотя пока еще нет подробных данных о том, как и почему происходит вербовка выходцев из Центральной Азии, источники, включая заявления о мученичестве и сообщения о задержании, показывают, что большое число людей, которые в конечном итоге едут воевать в Сирии и Ираке, отправились в Сирию и Ирак будучи за пределами Центральной Азии, многие из них прибыли из России⁶. Общим фоновым фактором для некоторых людей, которые оказались на поле битвы в Ираке и Сирии, является экономическая миграция, хотя маловероятно, что это объясняет радикализацию всех выходцев из Центральной Азии, которые присоединились к экстремистским группам (есть данные о центральноазиатских гражданах, которые едут в Сирию и Ирак непосредственно из своих родных стран⁷).

Эксперты по противодействию насильственному экстремизму (ПНЭ) и по региону заявили, что изоляция, дискриминация, стигматизация и недовольство могут сыграть большую роль в радикализации среди трудовых мигрантов в России, чем экстремистские религиозные убеждения⁸. Трудовые мигранты из Центральной Азии сталкиваются с ксенофобией и дискриминацией после переезда в Россию. Многие ищут защиты и чувства общности у соотечественников или других меньшинств, посещая местные мечети и молитвенные комнаты, хотя в своих родных странах они, возможно, не активно практикуют ислам. Исследования показали, что таджики в России, в частности, были подвергнуты вербовке в спортзалах, что говорит о том, что речь идет скорее о сообществе, чем о религии⁹.

Существующая литература по этой теме ограничена. Ноа Такер фокусируется на предполагаемых мотивах жителей Центральной Азии, которые отправились сражаться в Сирию и Ирак. Он определяет экономические мотивы тех, кто находится за пределами Центральной Азии, в качестве основного идентифицируемого фактора радикализации, и показывает, что значительная часть вербовки и обмена сообщениями происходит через интернет. Он выделяет три главные мотивации для участия в военных действиях в Сирии и Ираке: восприятие происходящего в Сирии как “справедливой войны” во имя защиты мусульман, которые там страдают; манипулирование чувствами о маргинализации группировкой ИГИЛ, которая предлагает привлекательную “мусульманскую утопию” в их халифате; и нарратив о необходимости развивать мусульманское “государство” для противодействия Западу¹⁰.

В свою очередь, Эдвард Лемон фокусируется на таджиках, изучая степень развития их радикализации в их родной стране и внутри России, и ответные действия правительства Таджикистана¹¹. Международная кризисная группа изучает боевиков, направляющихся в Сирию из региона, подчеркивая важную роль онлайн-коммуникаций в их мобилизации и роль местных водителей¹². Другие, такие как Джон Хизершоу

⁵ Ноа Такер, “Центральноазиатское участие в конфликте в Сирии и Ираке: движущие силы и ответные действия”, USAID, 4 мая 2015 года.

⁶ Такер, “Центральноазиатское участие в конфликте в Сирии и Ираке”; Эдвард Лемон, “ИГИЛ и Таджикистан: политика (не-)безопасности режима”, журнал RUSI (выпуск 160, № 5, ноябрь 2015 г.).

⁷ Уран Ботобеков, “ИГИЛ использует выходцев из Центральной Азии для миссий самоубийц”, Дипломат, 1 декабря 2016 года.

⁸ Такер, “Центральноазиатское участие в конфликте в Сирии и Ираке”; Марлен Ларуэлл, “Парадокс узбекского террора: мир дома, насилие за рубежом”, Foreign Affairs, 1 ноября 2017 года.

⁹ Лемон, “ИГИЛ и Таджикистан”.

¹⁰ Такер, “Центральноазиатское участие в конфликте в Сирии и Ираке”.

¹¹ Лемон, “ИГИЛ и Таджикистан”.

¹² Международная кризисная группа, “Сирийский призыв”.

и Дэвид Монтгомери, особое внимание уделяют так называемому “мифу” радикализации в регионе¹³. Рассматривая этот вопрос в 2013 году, Эрик МакГлинчи писал о трудовой миграции как о потенциальном превентивном факторе радикализации среди центральноазиатских стран¹⁴. На эти темы написаны и другие статьи, но среди них только некоторые основаны на первичных данных.

Наиболее существенная эмпирическая работа по вопросам, дополняющим данный Специальный выпуск, была проведена Международной организацией по миграции (МОМ) при поддержке правительства Казахстана и ЮСАИД с уделением особого внимания мигрантам, которые были депортированы или возвращены из трудовой миграции из-за рубежа, главным образом из России. В ней основное внимание уделялось уязвимости мигрантов и тому факту, что:

[Хотя не было показано, что миграция сама по себе достаточна для учета случаев радикализации мигрантов, исследование указывает на влияние экономического спада, наличие радикальных сообщений в религиозных общинах как в стране пребывания, так и на родине, а также на чувство социальной несправедливости и отчаяния, испытываемое некоторыми мигрантами при потере юридического статуса и неопределенности экономического будущего¹⁵.

Мигранты в этой ситуации могут быть “более восприимчивы к идеологическим сообщениям, которые активно распространяются экстремистскими организациями и проповедниками, так как они демонстрируют сочетание экономической и социальной уязвимости”¹⁶. Хотя отчет МОМ не выявляет прямой причинно-следственной связи ввиду сложности обобщения причин радикализации отдельных людей, в документе подчеркивается, что такие негативные аспекты миграционного опыта как исключение и невозможность заработать деньги в качестве трудового мигранта могут склонить людей к участию в экстремистской деятельности. Денежные переводы, высылаемые домой трудовыми мигрантами, работающими в России, по-прежнему являются основным источником дохода для стран Центральной Азии, что ставит их в зависимость от отношения российского правительства к центральноазиатским трудовым мигрантам.

Этот краткий обзор литературы не включает русскоязычные публикации, хотя российские партнеры по данному проекту не выявили каких-либо серьезных докладов по этому вопросу. Тем не менее, обзор позволил выявить два вопроса, которые, как сообщается, играют важную роль в вербовке трудовых мигрантов в России. Во-первых, поскольку Россия ужесточила законодательство в области миграции, многие центральноазиатские трудовые мигранты сталкиваются с проблемами по легализации своего статуса после прибытия; неспособность легализоваться может сделать их уязвимыми для радикализации. Во-вторых, влияние через интернет играет определенную роль в вербовке трудовых мигрантов. Это онлайн-влияние может принимать различные формы, как безличные в виде онлайн-пропаганды, и личные в виде коммуникаций через социальные сети.

13 Джон Хизершоу и Дэвид Монтгомери, “Миф о постсоветской мусульманской радикализации в центральноазиатских республиках”, исследовательский документ, Chatham House, ноябрь 2014 года.

14 Эрик МакГлинчи, “Насильственный экстремизм и мятеж в Центральной Азии: оценка рисков”, Выпуск USAID, сентябрь 2013 года.

15 Международная организация по миграции (МОМ), “Уязвимость мигрантов и потребности интеграции в Центральной Азии: истинные причины, социальное и экономическое влияние обратной миграции”, региональная полевая оценка, 2016, с. 9.

16 Там же.

Важно снова отметить, что лишь небольшая часть трудовых мигрантов из Центральной Азии обращается к экстремистским идеям. Точные цифры не может знать никто. Но даже если принять во внимание самые смелые оценки числа выходцев из Центральной Азии, отправившихся в Сирию и Ирак (например, в докладе Международной кризисной группы в январе 2015 года было отмечено от 2000 до 4000 человек, тогда как отчет от Группы Суфан в декабре 2015 года назвал цифру в чуть более 2000 иностранных боевиков из Центральной Азии¹⁷), это мизерная часть общего числа трудовых мигрантов из Центральной Азии, которые находятся в России (их численность, согласно российским источникам, составляет от 2,7 до 4,2 миллиона человек¹⁸) и, конечно же, пока не ясно, все ли центральноазиатские граждане в Сирии и Ираке начинали как трудовые мигранты. Тем не менее, учитывая частоту историй и рассказов выходцев из Центральной Азии в Сирии, прибывающих из России, это, безусловно, тема, требующая более масштабных исследований.

Данный Специальный Выпуск рассматривает тему с использованием инновационной исследовательской методологии, ориентированной на среду, в которой происходит радикализация, и опирается на данные опросов трудовых мигрантов и людей, живущих в сообществах вокруг мигрантов в России. Документ содержит рекомендации правительству Российской Федерации, правительствам Центральной Азии и внешним державам, которые призваны помочь решить этот конкретный аспект радикализации в сторону насильственного экстремизма.

Методология

Данный отчет посвящен поиску ответа на вопрос: каковы факторы, способствующие радикализации и росту насильственного экстремизма среди трудовых мигрантов из Кыргызстана, Таджикистана и Узбекистана в России? Цель этого исследовательского проекта - углубить понимание радикализации и насильственного экстремизма среди трудовых мигрантов в России из трех исследованных стран. В его рамках разработана база фактических данных о факторах, которые способствуют радикализации и насильственному экстремизму среди трудовых мигрантов в России, в целях совершенствования политики предотвращения насильственного экстремизма. Это исследование имеет две основные задачи:

1. Установить контекст, в котором происходит радикализация.
2. Понять, насколько это возможно, возможный диапазон действующих факторов мотивации (структурных, способствующих и микро) в отношении радикализации и насильственного экстремизма среди трудовых мигрантов из Кыргызстана, Таджикистана и Узбекистана в России.

Для сбора данных были проведены качественные интервью. Интервью проводилось в полуструктурированном формате, когда респондентам задавался набор закрытых и открытых вопросов, совместно разработанных в Москве исследователями из RUSI и РАН. Преимущество использования полуструктурированных интервью состояло в том, что он позволил респондентам инициировать собственные темы, одновременно предоставляя исследователям поле для маневров вне стандартных вопросов, чтобы выявить большие различия в ответах респондентов.

¹⁷ Международная кризисная группа, "Сирийский призыв"; Группа Суфан, "Иностранные боевики", стр. 15.

¹⁸ Сергей Рязанцев, "Трудовая миграция из Центральной Азии в Россию в контексте экономического кризиса", Россия в глобальной политике, 31 августа 2016 года.

Выборка респондентов определялась на местах интервьюерами, которые отправлялись в места сбора трудовых мигрантов или коммуницировали через сети, чтобы идентифицировать трудовых мигрантов. В дополнение к этим прямым интервью с трудовыми мигрантами было проведено несколько интервью с представителями местной элиты - включая местных должностных лиц, экспертов и других. Таким образом, выборка для каждой из трех этнических национальных групп включала в себя участников другой этнической национальной принадлежности, которые в этой статье рассматриваются как “элиты”. Несмотря на усилия по обеспечению репрезентативности выборки по полу, возрасту, опыту и т.д., этого было трудно достигнуть, ввиду актуальности и иногда сложности мест, где проводились интервью. В общей сложности было опрошено 218 человек.

Для обеспечения систематического и тщательного анализа данных были приняты три подхода. Во-первых, был применен комплексный подход к кодированию с использованием системы, разработанной RUSI, которая основывалась на терминах и предметах, регулярно появляющихся в собранных данных, наряду с несколькими ключевыми терминами, связанными с предметом в основе исследования. Во-вторых, была разработана концептуальная основа для формулировки вопросов, а также для систематизации большого набора данных в целостной и удобной форме (подробности приведены в следующем разделе “Методология анализа”). В-третьих, различные источники знаний были максимально триангулированы с помощью анализа всех данных и других источников информации.

Исследователи не могли и не должны были интервьюировать непосредственно насильственных экстремистов. Это создало очевидные трудности в попытке достичь понимания насильственного экстремизма. Чтобы решить эту проблему, была применена качественная методология, основанная на инновациях. Этот подход использует пирамидальную модель радикализации, которая утверждает, что насильственные экстремисты появляются из более широких сообществ поддержки, известных как “радикальная среда”¹⁹. Вместе эти сообщества представляют собой физическую или социальную обстановку, в которой происходит радикализация. Хотя в конечном итоге ни одно интервью не было проведено с теми, кто был завербован или радикализован, некоторые опрошенные обладали информацией, основанной на актуальных знаниях (преимущественно из вторых рук, но также основанных на слухах) о процессах радикализации. Поэтому исследование основывается на понимании того, что полученная информация была не просто предположениями трудовых мигрантов о возможных недовольствах или стимулах, ведущих к радикализации, а в некоторых случаях основывалась на знании радикализации - на пережитом опыте их друзей, коллег и членов семьи. Ответы участников подразделяются на следующие четыре категории, которые образуют иерархию доказательств:

1. Прямой опыт радикализации/вербовки (то есть, был личный контакт с вербовщиками) .
2. Знает кого-то, кто был радикализован/завербован.
3. Слышал о ком-то (информация из вторых рук или информированное мнение, например, мнение эксперта), кто был радикализован/завербован.
4. Никаких личных знаний (то есть знаний, полученных из средств массовой информации, из уст в уста или через слухи) о радикализации/вербовке.

Большинство респондентов, опрошенных в ходе полевых исследований, входят в категорию 4. Это объясняет, почему в этом докладе результаты исследования анализируются как “восприятие” радикализации и насильственного экстремизма, а не их причинные факторы. Однако есть несколько

¹⁹ Стефан Малтанер и Питер Уолдманн, “Радикальное мышление: концептуализация поддерживающей социальной среды террористических групп”, Исследования в области конфликтов и терроризма (выпуск 37, № 12, 2014).

респондентов, которые либо имели прямую связь с вербовкой в насильственный экстремизм, либо имели информированное знание о радикализации и вербовке. Вследствие этого, данный проект определил категории 2 и 3 в данных в качестве приоритетов (категория 1 выходит за рамки настоящего исследования), сосредоточив внимание на тематических исследованиях людей, которые знали кого-то, кто был радикализован и завербован. Это позволяет сформулировать в докладе портрет насильственных экстремистов, которые поехали воевать в Сирию или Ирак, а также тех, кто совершил террористические акты.

Методология анализа

Методология анализа, используемая в этом исследовании, была разработана RUSI в ответ на одну из самых больших дилемм в проведении исследований радикализации насильственного экстремизма - как опрашивать радикальных индивидуумов в условиях затрудненного доступа к сообществу, радикализованному в сторону насилия. Она решает вытекающий методологический вопрос: в отсутствие радикализованной выборки, как можно исследовать радикализацию? В ответ исследователи RUSI разработали аналитическую методологию, целью которой является анализ факторов радикализации, учитывающих важность контекста и охватывающих как можно более широкий круг взаимосвязанных факторов. Эта методология также используется для систематизации анализа и уменьшения предвзятости. Методология вкратце приведена в Примечании 1²⁰.

²⁰ Первые три элемента методологии - структурная мотивация, индивидуальные стимулы и способствующие факторы - были разработаны Джеймсом Халилом и Мартиной Зьютен, "Противодействие насильственному экстремизму и снижение риска: руководство по разработке и оценке программ", RUSI Whitehall Report, июнь 2016 года.

Примечание 1. Типология движущих сил радикализации

Структурные мотивации: обычно известные как “провоцирующие факторы”, они включают такие факторы, как: репрессии; коррупцию; безработицу; неравенство; дискриминации; историю враждебности между группами идентичности; и вмешательство других государств.

Индивидуальные стимулы: обычно понимаются с точки зрения “притягивающих факторов”, в том числе: чувства цели (порожденного посредством действия в соответствии с воспринимаемыми идеологическими принципами); приключения; принадлежности; принятия; идентичности; статуса; материальных соблазнов; принуждения; и ожидания вознаграждения в загробной жизни.

Способствующие факторы: связаны не с индивидуальными стимулами, а с присутствием людей, идей, ресурсов и пространств, которые способствуют развитию радикализации, в том числе: наличие “радикальных” наставников (в том числе религиозных лидеров, людей из социальных сетей и т.д.); доступ к “радикальным” онлайн-сообществам; группы в социальных сетях с насильственно-экстремистским содержанием; доступ к вооружению или другим соответствующим предметам; сравнительное отсутствие государственного влияния; наличие нарративов; политика общей идентичности; отсутствие семейной поддержки; присутствие уязвимых людей (таких как молодежь или преступники).

Устойчивость: действующие факторы, которые препятствуют ухудшению проблемы. На индивидуальном уровне они включают: личный опыт, убеждения и ценности; семью и друзей; доступ к ресурсам; личные качества, такие как уверенность и чувство собственного достоинства; работу; религию; и образование. На уровне сообщества (социальном уровне) они включают: связи между семьями и друзьями; и “доверие”. На политическом уровне (структурном) они могут включать: верховенство закона; государственную социальную поддержку; и правоохранительные органы.

Радикализация является сложным многомерным явлением, возникающим в результате взаимодействия микро-индивидуума, благоприятствующей окружающей среды (социально-культурных условий) и макро-структурных факторов: ее нельзя предугадать с помощью только одной переменной. В настоящем документе рассматриваются результаты, полученные из данных о взаимосвязях между этими компонентами. Для развития насильственных экстремистских движений и для присоединения к ним людей, требуется согласование ситуационных, социальных/культурных и индивидуальных факторов. Благодаря разработанной схеме, исследовательские группы смогли использовать аналитическую структуру, которая помогла им понять взаимодействие между способствующими факторами, индивидуальными стимулами и структурными причинами среди сообщества трудовых мигрантов из Центральной Азии, а также изучить, какие эффективные факторы устойчивости могут уже существовать, в целях последующей формулировки рекомендаций.

Определения и концепции

Исследования радикализации и насильственного экстремизма сталкиваются с определенными и концептуальными проблемами. Кроме термина “мигрант”, в настоящем докладе используются определения и концепции учебной программы RUSI “Профилактика и противодействие насильственному экстремизму” для Европейской комиссии²¹, чтобы сформулировать ключевые

²¹ RUSI, “Противодействие насильственному экстремизму, региональная учебная программа”, Европейская комиссия 2018.

термины:

Мигрант: МОМ определяет мигранта как “любого человека, которое перемещается или переместился из своего обычного места жительства через международную границу или внутри государства независимо от (1) юридического статуса лица ; (2) того, является ли движение добровольным или недобровольным; (3) каковы причины движения; или (4) какова продолжительность его пребывания”²².

Насильственный экстремизм (НЭ) - это использование насилия и поддержка насилия в целях достижения идеологических, религиозных или политических целей²³. Экстремистское насилие отличается от других форм насилия своей мотивацией, оно стремится к достижению идеологических, религиозных или политических целей. Таким образом, НЭ включает в себя терроризм, другие формы политически мотивированного насилия и некоторые формы межобщинного насилия²⁴.

НЭ не является, однако, простым или недвусмысленным понятием. Конечно, “экстремизм” - относительное понятие, которое поддается осмыслению только по отношению к “норме”, и поэтому оно неизбежно субъективно. Трудность возникает из-за сравнения между насильственными и ненасильственными проявлениями экстремизма. Генеральный секретарь Организации Объединенных Наций (ООН) признал это в Плане действий по предотвращению насильственного экстремизма. В этом документе явно избегается определение НЭ и с самого начала признается, что “насильственный экстремизм - это многообразное явление, без четкого определения”²⁵.

Радикализация обычно понимается как социальный и психологический процесс постепенно накапливаемого опыта по развитию приверженности экстремистским идеологиям²⁶. Радикализация подразумевает процесс, когда убеждения индивида переходят от относительного популярной точки зрения в обществе к поиску кардинальных изменений в обществе. Радикализация не обязательно означает, что те, кто переживает это, станут приверженцами насилия. Однако, как только человек решает, что террор и насилие оправданы для достижения идеологических, политических или социальных изменений, этот человек становится насильственным экстремистом. Поскольку радикализация - это процесс, этот термин отражает определенную многоплановость того, как люди принимают и поддерживают использование террористических средств для достижения политических целей.

Радикализация является сложной и потенциально проблематичной концепцией, и есть три аспекта, которые необходимо понимать:

²² Международная организация по миграции (МОМ), “Кто является мигрантом?”, <<https://www.iom.int/who-is-a-migrant>>, доступ от 26 марта 2018 года.

²³ См. Minerva Nasser-Eddine et al., «Противодействие насилию в экстремизме (CVE) », Центр противодействия терроризму и безопасности, Оборонная научная и технологическая организация, Министерство обороны Австралии, 2011, с. 9; Джеймс Халил, «Знай своего врага: о бесполезности разграничения между террористами и повстанцами », « Исследования в области конфликтов и терроризма » (том 36, № 5, 2013), стр. 419 -30.

²⁴ ООН, «План действий по предотвращению насильственного экстремизма », Доклад Генерального секретаря, 24 декабря 2015 года, стр. 1.

²⁵ Там же, стр. 1.

²⁶ Определение, адаптированное из отчета Европейской комиссии, “Стремление к развитию: укрепление устойчивости к насилию и экстремизму”, пересмотренное издание (Люксембург: Publications Office of the European Union 2016).

- а. Некоторые власти принимают концепцию, подразумевая, что конечной точкой радикализации является насилие, тогда как другие считают, что конечной точкой могут быть просто “экстремистские” взгляды (то есть, не обязательно последует принятие/вовлечение в насилие);
- б. Под радикализацией часто понимают различную степень последовательности и линейности в траектории от “нерадикального” к “радикальному” (преуменьшая вероятность индивидуальных особенностей в каждом отдельном случае);
- в. Радикализация подразумевает, что изменение в поведении является результатом изменения веры. Однако большинство психологических исследований показывают, что взаимосвязь между убеждениями и поведением на удивление слаба, в то время как исследования в области терроризма показали, что можно придерживаться крайних убеждений и быть ненасильственными, а некоторые очень жестокие экстремисты не сильно подвержены влиянию идеологии²⁷.

При попытке анализировать процесс радикализации в сторону насилия, экстремизма или где-то между ними, невозможно выявить прямую причинно-следственную связь. Отражая сложную природу человеческого поведения, радикализация часто обусловлена личными факторами и часто является индивидуализированным процессом. Нет единого четкого пути к радикализации.

Вербовка часто используется в словосочетании с “радикализацией”. Однако эти термины не являются взаимозаменяемыми. Вербовка подразумевает, что существует какой-то внешний агент или влияние, которое привлекает людей к участию в терроризме, что по сути является процессом сверху вниз. Участие в НЭ, однако, не просто результат вербовщиков, которые ищут потенциальных новобранцев. На самом деле люди часто проявляют инициативу в отношении участия, и как таковой этот процесс обычно более восходящий, чем подразумевается под термином “вербовка”.

Устойчивость - это способность отдельных людей и сообществ преодолевать трудности. ЕС определяет устойчивость к насильственному экстремизму как способность людей, групп и сообществ опровергать и отвергать сторонников терроризма и идеологию, которую они продвигают²⁸. Несмотря на отсутствие общепринятых определений устойчивости в политике и практике ПНЭ, ее все можно расценивать как широкую концепцию, которая охватывает широкий круг факторов - идеи, институты, проблемы, тенденции или ценности - которые позволяют отдельным лицам и сообществам сопротивляться или предотвращать насилие, а также восстанавливаться или “отпрыгивать” от НЭ. В этом отношении устойчивость может быть подразделена на защитные факторы (которые рассматриваются как более пассивный тип логики, например, способность “поглощать” атаку или угрозу) и ответные факторы (более проактивная логика, например, продвижение вперед по жизни в новом и расширенном направлении).

Уязвимость определяется как способность быть раненым; мало приспособленным к защите; открытым для морального или идеологического нападения. В рамках ПНЭ, данный термин означает факторы и характеристики, связанные с восприимчивостью к радикализации²⁹.

²⁷ Психологи, такие как Рэнди Борум и Джон Хорган, особенно критиковали преобладающее мнение, что крайнее насилие вызвано радикальными взглядами. См. Джон Хорган, “Психология терроризма”, второе издание (Абингдон и Нью-Йорк, НЙ: Routledge, 2014); Рэнди Борум, “Понимание психологии терроризма”, Mental Health Law & Policy Faculty Publications, документ 576, январь 2010 года.

²⁸ Европейская комиссия, Стремление к развитию, стр. 55

²⁹ Там же.

“В зоне риска” означает критерии, используемые для различения потенциальных бенефициаров целевых вмешательств в ключевых демографических группах “в зоне риска”. Лица и сообщества “в зоне риска” были определены с помощью оценки потребностей как уязвимые к радикализации и вербовке насильственными экстремистами. Обе идеи подразумевают индивидуумов и группы людей, которые могут потенциально подвергаться и на самом деле подвергаются радикализации и вербовке. Однако вторым аспектом для обеих концепций “уязвимости” и “в зоне риска” является идея о том, что человеку требуется особая забота, поддержка или защита из-за угрозы НЭ.

Ограничения исследования

Это исследование выявляет потенциальный диапазон факторов, входящих в более широкий контекст, в котором проявляются случаи насильственного экстремизма среди трудовых мигрантов Центральной Азии в России. Однако доказательная база, необходимая для детальной, всеобъемлющей и методологически тщательной оценки насильственного экстремизма среди трудовых мигрантов Центральной Азии в России, ограничена. Небольшое число инцидентов и относительно небольшое число лиц, причастных к насильственному экстремизму, означает, что нельзя утверждать эмпирическое и причинное объяснение радикализации меньшинства центральноазиатских мигрантов в России. Кроме того, психологическое и социологическое разнообразие боевиков насильственного экстремизма в сочетании с процессом радикализации, обусловленным индивидуальными характеристиками и контекстом, затрудняет поиск исчерпывающего ответа на вопросы о том, как и почему меньшинство трудовых мигрантов из Центральной Азии отправилось воевать в третью страну. Эта проблема особенно остро стоит на фоне отсутствия выборки насильственных экстремистов для интервью и отсутствия продольных исследований и этнографических полевых работ.

Методология исследования отражает некоторые ограничения. Во-первых, существует проблема доступа к насильственным экстремистам - хотя это смягчается посредством метода, фокусирующего на окружающей среде. Во-вторых, возможно, что размер выборки не обязательно отражает сообщество радикализированных лиц или трудовых мигрантов в более широком смысле. В-третьих, невозможно гарантировать, что участники интервью будут честно отвечать на вопросы по чувствительной теме, такие как экстремизм, незнакомым людям. Кроме того, существуют огромные различия среди узбекских, таджикских и кыргызских общин, а также городов и контекстов, в которых живут предметы. Все эти факторы делают тщательные сопоставления или всеобъемлющие рекомендации по политике сложной задачей. И, наконец, следует отметить, что ряд интервью были неполными или включали темы не относящиеся к исследованию. Это было результатом сложных обстоятельств, в которых работали группы по проведению интервью.

I. Трудовые мигранты из Узбекистана

Мохаммед С Элшими

ДАННАЯ ГЛАВА разделена на пять частей в соответствии с методологией анализа, которая используется для обработки данных. Эти части включают: восприятие структурной мотивации; восприятие способствующих факторов; восприятие индивидуальных стимулов; восприятие уязвимых групп населения и групп в зоне риска; и восприятие устойчивости. Главная цель этой методологии - анализ движущих сил радикализации с учетом важности контекста, а также охват максимально широкого диапазона взаимосвязанных факторов.

Восприятие структурной мотивации

Опыт миграции

По мнению одиннадцати респондентов (21 процент опрошенных), в некоторых случаях наблюдалась корреляция между неблагоприятными последствиями миграции в Россию - незаконной работой и накоплением серьезной финансовой задолженности - и увеличением риска и уязвимости перед насильственным экстремизмом. Действительно, девять опрошенных (17 процентов) придерживались мнения о том, что административные и юридические препоны в поиске работы в России препятствуют трудовым мигрантам в оформлении правового статуса, вынуждая многих жить вне закона. 20 участников (38 процентов), а также все трое в фокус-группе подчеркнули сложность нынешней административной и правовой процедуры регистрации в качестве одной из основных проблем. По словам собеседников, процесс регистрации на законных основаниях для работы в России включает в себя регистрацию для получения визы и трудовых патентов (документы, натурализующие статус мигрантов); расходы на оформление необходимых документов; экзамены по русскому языку и истории для мигрантов; и на все это отводится короткий промежуток времени.

Одна повторяющаяся жалоба от респондентов касалась сложности процесса регистрации. Строительный работник из Новосибирска утверждал: “Если бы у нас не было этих проблем с работой и документами, мы бы смогли решить наши проблемы” (Ново 15³⁰). Лидер узбекской диаспоры и ныне российский гражданин в Астрахани рассказал о сложности языковых и исторических тестов: “Кроме того, экзамены по русской литературе и истории для мигрантов нереальны, даже российские государственные чиновники не могут их пройти” (Астр 12). Четыре респондента также подчеркнули, что

³⁰ За этой цитатой следует код в скобках, который идентифицирует город и номер собеседника, т.е. “Ново” означает Новосибирск, а число 15 означает порядковый номер опрошенного респондента. Такая система кодировки применяется во всем отчете.

долгий и трудоемкий процесс усложняется кратким временным периодом, предоставленном для сдачи всех документов и тестов: весь процесс должен быть завершен в течение одного месяца или заявитель будет оштрафован. Как отметил владелец среднего бизнеса в Екатеринбурге, “7 дней на получение разрешения и 30 дней на обработку документов недостаточно” (Екат 9). Более того, собеседники выразили общее мнение, что сам процесс стал обходиться намного дороже. По оценкам предпринимателя из Новосибирска (Ново 16), мигранту потребуется 40 000 рублей, чтобы получить все необходимые документы. Российский профессор в Санкт-Петербурге объяснил последствия дорогостоящего административного процесса: “эти [расходы] приводят к тому, что многие мигранты из Таджикистана и Узбекистана не получают патентов из-за их стоимости. Я думаю, что это почти половина мигрантов” (СтПб 04).

Эксплуатация и финансовые трудности

Пятнадцать респондентов провели связь между нестабильной финансовой ситуацией, в которой оказываются многие трудовые мигранты (особенно незаконные мигранты), и повышенной уязвимостью к экстремистской вербовке. Большинство из 20 респондентов (40 процентов) считало, что экономическая уязвимость может быть связана с эксплуатацией различными организациями и субъектами. Например, утверждалось, что легальные и нелегальные мигранты эксплуатируются, среди прочих, посредническими организациями, работодателями, арендодателями, страховыми компаниями, преступными сетями и насильственными экстремистами. Менеджер транспортной компании в Хабаровске описал это следующим образом: “Мигранты являются “дойной коровой” для всех: для обеих стран, различных агентств, а теперь и для терроризма ... коррупция процветает за счет мигрантов” (Крск 11). Действительно, серьезным следствием сложного и дорогостоящего административного процесса регистрации стало появление компаний и организаций, которые выступают в качестве посредников и предлагают помощь мигрантам в процессе регистрации за определенную плату. Узбек, создавший культурный и адаптационный центр в Самаре, объясняет это следующим образом:

Первая проблема заключается в том, что ФМС (Федеральная миграционная служба) не справляется с таким потоком мигрантов, особенно в течение рабочего сезона. Поэтому собираются огромные очереди, поэтому есть всевозможные посредники, в том числе неофициальные (теневые) посредники. Из-за этого многие мигранты просто не регистрируются и не получают патентов, пытаются остаться здесь как можно дольше, чтобы заработать как можно больше и вернуться домой, зная, что на границе они получают штамп с запретом на повторный въезд в течение года. Через год все снова повторяется. Но они первыми подвергаются риску, особенно если они попадают в поле зрения вербовщика. (Сама 10)

Проблема с посредниками заключается в том, что они используют мигрантов и либо взимают много денег за свои услуги, либо в конечном итоге обманывают своих клиентов. Например, работник мечети в Самаре, этнический татарин, подчеркнул тот факт, что “некоторые приходят в мечеть, оказывается, что у них нет денег, иногда их обманывают посредники” (Сама 22). Сотрудник центра, который помогает трудовым мигрантам в Краснодаре, рассказал о случае мошенничества в отношении пятнадцати узбеков со стороны такой посреднической организации: “15 человек из Узбекистана обманули на 3,5 млн. [рублей], и такие случаи не редкость” (Кдар 7). Другая причина, по которой некоторые из мигрантов подвергаются эксплуатации, связана с их юридическим статусом. Многие собеседники

утверждали, что нелегальные мигранты подвергаются особому риску из-за их неустойчивого положения и плохих условий труда. Как сказал бизнесмен из Новосибирска, “нелегалам не нужно много платить и их можно уволить в любой момент” (Ново 16). Тот факт, что незаконные мигранты не могут рассчитывать на какую-либо защиту на законных основаниях, означает, что они эксплуатируются некоторыми работодателями, которые, как утверждается, договариваются с нелегальными мигрантами в устном порядке вместо заключения трудовых контрактов и которые затем, не оплатив труд мигрантов, отказываются от своих устных обязательств. Незаконные трудовые мигранты вряд ли будут жаловаться на невыплаченную заработную плату, опасаясь, что их работодатели будут сообщать об этом властям. Кроме того, девять опрошенных (13 процентов) сказали, что положением мигрантов пользуются и другие участники, например, государственные чиновники и страховые компании. Анонимный собеседник в Самаре использовал слово “коррупция”:

[Им] трудно легализоваться, то есть получить документы, разрешающие трудоустройство, почти нет социальной поддержки, трудности с проживанием и жильем и т.д. Мигранты окружены коррупцией, начиная с сотрудников Федеральной миграционной службы и заканчивая медицинским персоналом ... часто оказывается, что у них нет денег, и иногда их обманывают посредники. (Сама 22).

Итог кумулятивного воздействия этих трудностей был отмечен женщиной, работающей уборщицей узбекской фабрики в Самаре:

Патент стоит дорого; чтобы получить его - это целая история, много затрат, в том числе на оплату услуг различных теневых посредников. На квартиру тоже уходит много денег, около 10 тысяч рублей. Регистрация также сложная задача. Чтобы иметь хоть что-то, чтобы отправить домой, вам нужно работать в течение 16-17 часов. Это очень трудно. (Сама 07)

Один из узбекских мужчин-респондентов, работающих на стройке в Новосибирске, подчеркнул значимость этих выплат для обычного мигранта:

“Мы работаем только 7 или 8 месяцев [в году], но мы должны тратить почти 2-месячную зарплату на получение этих бумаг” (Ново 15).

По сути, независимо от того, является ли мигрант законным или незаконным, они начинают жизнь в России со значительной задолженности и вынуждены переносить значительные жизненные трудности.

Стигма и секьюритизация

Почти половина респондентов жаловались, что трудовые мигранты сталкиваются с дискриминацией со стороны властей, средств массовой информации и общества в целом. Для некоторых респондентов, в России усиливается стигматизация трудовых мигрантов. Хотя только два респондента (Моск 3 и Кдар 7) напрямую связали это с радикализацией и вербовкой, другие участники подчеркнули отчуждение и маргинализацию, вызванные стигматизацией трудовых мигрантов. Один собеседник, мужчина в Краснодаре, который работает в центре, помогающем трудовым мигрантам, сказал, что “люди плохо относятся к ним [мигрантам], даже если это россияне, родившиеся в Узбекистане, а затем приехавшие в Россию. Очень сложно зарабатывать деньги” (Кдар 7). По словам лидера организации диаспоры в Астрахани: “Средства массовой информации искусственно превращают мигрантов в козлов отпущения,

обвиняя их во всех проблемах. Люди не узнают, какую пользу они приносят для России, для экономики здесь, для развития” (Астр 12).

Существует также более широкий контекст растущей ксенофобии, выражаемой через СМИ. Это объяснил профессор российского университета в Санкт-Петербурге:

Москва традиционно опасалась приезжих. Раньше слово “понаехали” ассоциировалось с временными приезжими по работе, с кавказцами В 2012 -14 годах, произошел всплеск трудовой миграции Раньше контекст обсуждения был другим. Например, что необходимо помогать “соотечественникам” за границей и так далее. И под “соотечественниками” иногда понимали граждан из республик бывшего СССР. Что касается трудовой миграции, она начала активно обсуждаться в СМИ с 2000-х годов, с каждым годом активнее. (СтПб 04)

Более того, в России сейчас миграция все более секьюритизируется в публичном дискурсе, который представляет мигрантов как угрозу. Несколько интервьюируемых заявили, что с момента взрыва бомбы в Санкт-Петербурге в апреле 2017 года внимание к ним полиции усилилось. Мужчина-узбек из Екатеринбурга сказал, что “из-за этих взрывов ухудшилось отношение населения и даже полиции” (Екат 6). Другие обеспокоены полицейскими рейдами и, по словам одного из узбекских респондентов из Екатеринбурга, “люди не любят собираться в квартирах, особенно в позднее время”, также жалуются на то, что к мигрантам такое отношение, “как будто мы все виновны” (Екат 8). Продавец на рынке в Самаре описал плохое отношение к трудовым мигрантам, когда с ними обращаются “как со скотиной” и когда полицейский злоупотребляет своими полномочиями, чтобы получить взятку:

Под видом проверок с людьми обращаются как со скотиной, как с врагами. Но мы не враги; мы уважаем их президента, Путина Затем после проверок все заканчивается дополнительными поборами, [если] вы не можете заплатить им, они вышвырнут вас на родину. Из-за высокой цены, многие просто не обращаются за патентами и работают нелегально, но уезжают далеко в провинции. Там все можно решить с полицейским за бутылку. (Сама 06)

Один из опрошенных, учитель, живущий в Екатеринбурге, рассказал, что полиция проводит аресты мигрантов, чтобы заполнить необходимую статистику о криминальных арестах (Екат 7). Бригадир из Москвы рассказал, как полиция иногда совершает рейды в мечетях и временно задерживает их. Из-за таких проверок “молодые люди перестают приходить в мечеть и создавать свои собственные джамааты [группы]” (Моск 3). Он также сказал, что не следует мигрантов “унижать такими рейдами или помещать их как заключенных в концентрационные лагеря”, потому что это только тормозит ассимиляцию и взращивает ненависть (Моск 3). О мигрантах он сказал следующее: “Их терпение велико, но не следует испытывать его все время” (Моск 3). Аналогичным образом, работник центра адаптации миграции в Краснодаре описывает, как это плохо влияет на обычного нормального мигранта: “начинаются рейды на мигрантов. И если в такой момент, хороший и неспорченный человек, скажем, не имеет никаких документов, он начинает где-то скрываться и постепенно меняется и становится другим” (Кдар 7).

В ответ на вопрос о том, кто в обществе может предотвратить радикализацию, бригадир в Астрахани был настроен скептически:

И кто сказал, что мы читаем, чтобы стать ваххабитами или как вы говорите, радикалами? Почему нужно “работать” с нами? Я часто слышу эти слова по телевидению, “радикалы-шмадикалы”, “экстремисты-пэкстремисты”... Я даже спросил их “там” [указывает на правоохранительные

органы], что это за “радикализм-падикализм”. Даже они “там” не знают. Все просто говорят, что каждый, кто посещает мечети - это почти радикал. (Астр 11)

Его комментарии идут вразрез с мнением о том, что проблема радикализации мигрантов была изначально. Это более широкое дискурсивное представление о миграции в сочетании с повседневным опытом стигматизации заставляет некоторых мигрантов осознавать свою отличную этническую принадлежность и низкий социальный статус в российском обществе.

Восприятие способствующих факторов

Вербовка в насильственный экстремизм

Из 52 респондентов два респондента (4 процента) обладали знаниями о вербовке и радикализации из первых рук - другими словами, они знали кого-то, кто был радикализирован, а еще три респондента (6 процентов) имели информированное знание о радикализации, поскольку они либо провели исследование по этому вопросу, либо видели судебные предписания. Более четверти респондентов отметили, что в основном вербовкой занимаются кавказцы (дагестанцы, чеченцы, азербайджанцы, и авары), особенно чеченцы. В Примечании 2 респондент узбекской этнической принадлежности рассказывает о деталях процесса вербовки.

Примечание 2: Информированные знания о вербовке.

В данном случае собеседник утверждает, что ознакомился с материалами судебных дел и объясняет случаи вербовки, исходя из прочитанного (выделено мной):

Вербовка в основном осуществляется **выходцами из Кавказа**, все это знают. Они делают это через других **завербованных людей из узбекской, таджикской и кыргызской общин**. Так как наши ребята будут так более открыты и будут слушать только своих. Это особенно важно **для узбеков - иметь контакт со своими**. Затем они переходят в руки кавказцев и других людей. Вы начнете посещать их уроки, читать их литературу. **Из судебных материалов я знаю, что это делается в отдаленных местах, например, в лесу в заброшенном детском лагере**. Я знаю о случае, когда узбек из Букинского района [в Узбекистане] был вовлечен в *джамаат*.... Он занимался ремонтом школы. Бригадиром был таджик, который посещал историческую мечеть Самары. Он велел найти пару других парней. Во время своей работы он показывал фильмы. Например, “мы сбили самолет”, который был снят, как вы знаете, после того, как ИГИЛовцы сбили самолет. Он ставил фильмы на громкий звук, ни от кого не скрываясь. Затем каждый вечер этот таджикский парень проводил беседы и обрабатывал этих парней. **Затем их поймали, вероятно, на них донесли люди из других бригад**. [Он] был впоследствии оправдан, поскольку он сотрудничал со следствием. Они арестовали других ... **Это было в феврале 2016 года** ... таких примеров много. (Сама 8)

В то время как главными вербовщиками во главе сети являются кавказцы, непосредственно сама вербовка путем контактирования осуществляется через этническую группу жертв вербовки. Надежность комментариев относительно процесса вербовки может быть поставлена под сомнение, если рассматривать ее отдельно. Тем не менее, собеседник, возглавляющий организацию, занимающуюся проблемами мигрантов, основывает свои комментарии на “материалах суда”. Кроме того, аналогичное

утверждение было сделано двумя другими респондентами, которые предположили, что узбекские вербовщики выполняют приказы кавказцев и получают от них оплату. Собранные данные также позволяют рассмотреть возможность распространения экстремизма в Россию из стран Центральной Азии. Это может означать, что правительства стран Центральной Азии изгоняют религиозных экстремистов, которые затем пробираются в Россию, где они находят более гостеприимную среду, в которой они могут продолжить работу по вербовке. Например, лидер узбекской диаспоры в Новосибирске считает, что экстремисты в основном из определенных районов и городов Узбекистана, “те, которые из Ферганской долины - Жалалабатские и Ошские узбеки”, а также из “Наманганской, Джалал-Абадской и Андижанской областей” (Ново 17). Предприниматель из Новосибирска высказал такую же точку зрения, заявив, что некоторые жители Центральной Азии в России “уже заражены экстремизмом, и они смешиваются с кавказцами, азербайджанцами и таджиками, которые являются ваххабитами, такими как они, особенно узбеки из Кыргызстана” (Ново 16).

Удивительно, но пятнадцать респондентов (28 процентов) подробно рассказали о методах вербовки. По словам этих респондентов, вербовщики используют множество методов для вербовки людей. На сегодняшний день наиболее распространенным методом набора является денежный стимул. Женщина-узбечка, работающая судебным переводчиком в Самаре, сказала, что “людям помогали финансово, предоставляя небольшие бонусы. И затем, в свободное время, их учили читать Коран, затем им объяснили, что такое “правильный ислам”, что такое джихад и т.д.” (Сама 8).

Такое использование обмана в качестве тактической стратегии - обманчивые денежные стимулы для привлечения новых жертв - также было подчеркнуто лидером узбекской диаспоры в Астрахани. Он рассказал, что слышал от “надежного человека”, что молодым новобранцам дают деньги и говорят, что они будут работать в строительстве. Но когда они добираются туда, они получают в руки пулемет ... и к тому времени становится уже слишком поздно” (Астр 8). Хотя достоверность этого комментария ненадежна, он перекликается с комментарием другого собеседника, чей племянник был частью канала вербовки в насильственный экстремизм (см. Примечание 3). Как сказал узбекский бизнесмен в Москве: “Они заманивают их красивыми словами, деньгами и ложью” (Моск 1). Другая тактика вербовщиков включает в себя установление дружеских контактов с будущими жертвами. Узбекский рабочий в Новосибирске (см. Примечание 3) поделился информацией из первых рук, как его племянник был почти завербован в Казани. Более того, тот же собеседник считает, что вербовщики нацелены на тех, кто имеет военную подготовку (например, его племянник), так же утверждал бизнесмен из Новосибирска, который знал о случаях вербовки в Узбекистане. По словам последнего, “они выбирают парней, которые служили в армии или физически сильны ... Они также психологи, они изучают, может ли их жертва стать террористом-смертником” (Ново 16).

Примечание 3: Знания о вербовке из первых рук.

Рабочий на стройке в Новосибирске объяснил, как его племянник был почти завербован в Казани (выделено мной):

Обманывают в основном молодых людей, у которых нет денег или которые верят лжи вербовщиков. **Так они пытались заманить моего племянника. Это хорошо, что я был с ним в Казани.** А если бы меня не было? Он был бы уже трупом. Ему всего 23 года. Но он служил в армии. Он хотел остаться в армии, но у него не получилось.

Мне рассказали, что сначала один узбек начал обхаживать его, а затем таджик и несколько татар. Но один парень из моего родного города предупредил меня, что мой племянник общается с плохими людьми. Я сразу начал расспрашивать его об этом. Я даже бил его несколько раз. Но он молчал. Затем я привез его сюда в Новосибирск. Но он даже не выполнял нормально свою работу. Начальник понял и отпустил его. Теперь мой племянник больше не приезжает в Россию, ему нашли работу дома.

Они пообещали ему хорошую работу в Турции и сказали, что иногда ему придется ездить в другие страны. Эти вербовщики уже знают, что молодые люди, несмотря на свою неопытность, уже слышали о Сирии и Ираке и побоялись бы туда ехать. Зато все думают, что Турция - это рай. Я не знаю, как сейчас дела у племянника. **Они также привлекают людей обещаниями найти им работу в других арабских странах.**

Но когда эти ... забивали его голову ерундой в Казани, он сильно изменился. Как будто он подсел на наркотики (Ново 15)

Примечание 4: Знания о вербовке из первых рук.

Бывший исламист объясняет, как был завербован брат его сотрудника (выделено мной):

Мой сотрудник ... они обманули его младшего брата. Он понял, когда тот перестал отвечать на звонки. Когда ... попросил меня навестить брата вместе с ним, я почувствовал что-то неладное и мы пошли вместе на его работу в Домодедово. Там мы нашли его бригадира, который был дураком и алкоголиком. У нас есть поговорка: у плохого пастуха овцы мрут.

Одним словом, мы начали спрашивать ребят в бригаде, что и как. Оказалось, что он часто выходил разговаривать по телефону, загружал всевозможные видео. Затем он полностью изменился и перестал выходить на работу. Затем он пришел с каким-то таджиком, забрал свои документы, и они пропали. К сожалению, мы не нашли парня ... И ведь все началось с телефона, который ... он сам подарил ему. Это то, что не следует давать юным дуралеям.

Молодой парень попался на их трюки. Мне было жаль его семью: женщина осталась совсем одна. Ну, он умер уже, наверное. Они не живут там долго.

Они воздействуют на молодежь либо через да'ват (призыв к прозелитизму), либо через интернет ... Я думаю, что есть много причин, и все они работают сообща. Например, если мы говорим, что речь идет только о деньгах, то мы можем сказать, что да, ребятам действительно не хватает денег. Но в этом случае им еще промывали мозги. И кроме того, конечно, **им еще говорят, что они отправятся защищать мусульманских братьев.** По-моему, есть много причин, и нужно исследовать это в таком ключе.

Я думаю, что каждый случай индивидуален и проповедники **да'ват** обычно изучают своих жертв ... Но я бы, конечно, начал с обработки возможных жертв. Я задавал бы любые обычные, но очень неудобные вопросы. Например, они спрашивают: "Любишь ли ты свой Коран? Вы любите свою веру/религию? Вы любите своего Пророка?"... Затем они начинают задавать другие вопросы: "Почему же ты не защищаешь свою религию, свой Коран или своего Пророка?" Это вопросы, которые они задают, эти дьявольские прислужники. (Моск 1)

Кроме того, этот метод использования ловушки отметил продавец рынка в Самаре (Сама 6), который рассказал историю о том, как сына человека, которого он знал из своей деревни в Узбекистане, заманили в Турцию вербовщики обещаниями лучшей работы, чем та, которая у него была в России. Другая тактика - взывать к эмоциям людей и пытаться вызвать чувство вины. Это делается через рассказы о нападениях на мусульман в разных странах и об их страданиях, тогда как решение этой трагедии представляется как необходимость покинуть свою страну и отправиться в Сирию, чтобы защитить мусульман от тирании и несправедливости. Бригадир из Астрахани рассказал подробнее о таком способе вербовки: "Они потихоньку подходили к некоторым парням - начали спрашивать о жизни, о семье. Затем они пытались научить правильно молиться и говорили о Сирии. Говорили, что там убивают мусульман, а мы сидим здесь тихо, как будто ничего не происходит" (Астр 11).

Что касается мест вербовки, то большинство участников отметили мечети в качестве основного места вербовки, в особенности мечети нетрадиционного толка, которые несколько респондентов называли "ваххабитскими". Бригадир из Астрахани упомянул "красную мечеть":

Здесь есть мечеть - "Красная мечеть". Когда имамом был татарин, все было в порядке. Затем имамом стал кто-то из Дагестана, и тогда, говорят, мечеть стала ваххабитской. Я сказал ребятам, чтобы они не ходили туда. Мы слышали, что они завербовали там 2-3 человек. Это было показано на местном телевидении. (Астр 11)

Что касается выезда в Сирию, одиннадцать респондентов (21 процент) сказали, что маршрут из России через Турцию является основным. Собеседник из Краснодара (Кдар 7) утверждал, что два паромы из России отплыли в Турцию, когда отношения были хорошими между двумя странами. По его словам, многие переправлялись и через Кавказ.

Примечание 5: Приобретенные знания о вербовке.

Российский профессор в Астрахани размышляет о том, были ли случаи вербовки мигрантов в Астрахани, в том числе женщин (выделено мной):

[Занимаются] там в основном кавказцы ... включая постоянно проживающих в Астрахани. Были случаи среди таджиков и узбеков. Правда, я не могу говорить о статистике. Но были случаи за последние 2-3 года, в том числе те, которые не освещались широко в СМИ, а обсуждались на частных семинарах или встречах. В прессе это иногда появляется. Включая случаи среди мигрантов. Конечно, большинство этих попыток были предотвращены правоохранительными органами прежде чем они были отправлены буквально в их "последний путь". Но, что касается мигрантов, я бы сказал, что это не массовое явление. **По моим расчетам, поначалу около ста человек покинули Астраханскую область для ИГИЛ ... в 2013-2014 и частично в 2015 году.** Хотя оценки разнятся - от 70 до 90-100. **Эти группы состояли из аварцев, местных казахов [из Астрахани], лиц смешанной казахско-аварской этнической принадлежности, также были узбеки с таджиками.** Основная их часть - местные жители. Я не слышал о женщинах. Теперь, насколько я слышал, это постепенно утихает. Многие были убиты там, и многие люди здесь узнают об этом ... Я не знаю, было ли это из-за большей информированности или просто ресурсы иссякли, но наблюдается явное снижение тенденции. (Астр 10)

Примечание 6: Приобретенные знания о вербовке.

В ответ на заявление о том, что "узбеки "ваххабизируются" или склонны собираться в джамаатах", профессор социологии ответил следующее (выделено мной):

56 человек были задержаны в молитвенном доме ... В одном из наших новых районов почти за городом, на окраине за городом, на окраине. Сначала я подумал, что это преувеличение. **Но потом сказали, что там нашли оружие.** Здесь уже сомневаться не получится. (Сама 11)

Интернет

В России Интернет можно рассматривать как фактор, в большей степени способствующий росту насильственного экстремизма, чем в странах Центральной Азии. Это связано прежде всего с тем, что узбеки в России имеют более стабильный и дешевый доступ к Интернету, чем в Узбекистане. Три респондента (5 процентов) конкретно указали на смартфоны и семь респондентов (13 процентов) говорили об Интернете в качестве основного источника информации. Что еще более важно, почти

половина респондентов упомянули онлайн-вербовку и доступность экстремистских материалов в Интернете. Одиннадцать респондентов (21 процент) упомянули видео с экстремистским контентом. Узбек в Москве заявил, что “интернет является и останется методом вербовки для этих джамаатов” (Моск 3), а владелец бизнеса в Екатеринбурге сказал, что он предупреждает насчет этого, потому что “это правда, что молодые парни смотрят другие вещи в Интернете. Мы, старшие ребята, предупреждаем их об этом все время. Мы понимаем, что так их вербуют” (Екат 9).\

Что касается радикализации и вербовки, то двое опрошенных (4 процента) заявили, что более радикальный контент в социальных сетях подается постепенно и усиливается в процессе вербовки (Сама 7 и Астр 7). Сначала люди получают безобидные сообщения в приложениях обмена сообщениями, таких как WhatsApp или Telegram. Начиная рассылать видео. Затем они начинают получать контент более религиозного характера, которое впоследствии сменяется более серьезными материалами о джихаде. Женщина, работник завода в Самаре, рассказала следующее:

На WhatsApp стали приходить рассказы о нашей праматери Ойше. Я слышал о ней от своей бабушки. Поэтому я прочитала то, что пришло ко мне по телефону. Было интересно. Поэтому я добавил отправителя в список моих друзей. Затем стали приходить другие сообщения, о нашем Пророке, о других святых. Затем еще несколько рассказов о джихаде и прочем ... Мой друг показал мне их, я сразу же сказала, что нужно блокировать эти сообщения, удалить из друзей и стереть. (Сама 7)

Некоторые респонденты рассказали о том, как вербовщики сначала отправляют своим жертвам невинные видеоролики о чтении Корана, прежде чем перейти к более жесткому контенту. Как рассказал строитель из Астрахани:

Здесь, в Интернете, вы можете свободно залезть куда угодно. Правильно. Там все просто и [вы] находите там разные видео, как они рассказывали мне, сначала это простые истории, или уроки по правильному чтению Корана и тому подобное. И затем они также посылают такие вещи, которые привлекают молодых людей и все такое. То есть, они заманивают постепенно. Посмотрите сами в Интернете. Как только вы зайдете в такое место, вас заманят чем-нибудь. Нам говорили об этом. Поэтому у меня простой телефон только для общения. А молодым мы запретили другие телефоны. Только под нашим контролем. (Астр 7)

Более благоприятная среда для воздействия альтернативных идей и людей

Данные позволяют сделать важный вывод о том, что Россия потенциально представляет собой более благоприятную среду для ознакомления с альтернативными религиями и жизненными сценариями, отличными от принятых в странах Центральной Азии. Это объясняется взаимодействием сложных и взаимосвязанных факторов.

Во-первых, правительства стран Центральной Азии представляются менее толерантными в допущении религиозных практик, чем Россия в новейшей истории. Двое из опрошенных заявили, что в России большая свободы вероисповедания, чем дома; как выразился респондент в Самаре: “У них свобода религии, иногда больше, чем дома” (Сама 22). С этим согласился лидер узбекской диаспоры в Хабаровске: “В России мусульмане обычно становятся религиозными, им не запрещено читать намаз [молитву], мечеть официально зарегистрирована” (Хаб 25). Некоторые респонденты предположили, что некоторые исламисты из стран Центральной Азии, которые были запрещены и изгнаны из своих стран, используют более толерантную российскую среду.

Во-вторых, возросла вероятность того, что некоторые трудовые мигранты будут теснее знакомиться с более фундаменталистскими чтениями ислама или более радикальными версиями ислама (эти два варианта не совпадают, и они не связаны между собой), а также с более разнообразными типами людей в России, чем в своих родных странах. Для трети респондентов, в таком более тесном знакомстве с более “экстремальными” или радикальными толкованиями ислама виноваты “ваххабиты”, вербовщики с Кавказа и/или интернет. Особенно характерна частота, с которой респонденты употребляли термин “ваххабит”. Этот термин использовался уничижительно и ассоциировался с “экстремизмом”, в котором часто видят корень многих проблем. Этот термин ассоциируется со многими вещами, в том числе: с конфликтом в Сирии; растущей исламизацией центральноазиатских народов; чеченскими вербовщиками; и с угрозой умеренному течению в лице традиционной школы исламского права (ханафи), которой придерживается большинство центральноазиатских народов³¹. Например, один собеседник обвинил США и ваххабитов в конфликте в Сирии, заявив, что они “виноваты во всем. Вместе они уничтожают мусульман, в то время как России рукоплескали за то, что она “помогает хорошим мусульманам бороться с ваххабизмом” (Ново 14). Когда другого собеседника, бригадира из Астрахани, попросили дать определение “ваххабитам”, он сказал, что это “те, кто входит в политику и забывают о реальной вере ... они призывают взять оружие” (Астр 11). Он также обвинил “ваххабитов” в гражданской войне в Таджикистане.

В-третьих, смена культурной среды, неизбежная при миграции в Россию, означает, что глобальная исламская идентичность, которая превосходит этническое и национальное происхождение, становится более привлекательной для мигрантов. Для некоторых людей принятие религии в новой и странной среде может быть стратегическим; хотя это также может быть, среди прочего, эмоциональным, интеллектуальным и психологическим решением. Оно может помочь мигранту взаимодействовать и установить связь с другими мигрантами, а также запрашивать поддержку у более широкой сети людей. Эта групповая связь часто происходит через общие ритуалы, чему способствует исповедуемая привязанность к религиозной идентичности. Внешние атрибуты религиозной принадлежности также могут использоваться для сохранения самобытности и для того, чтобы доказать семьям, что они ассимилировались не полностью и не забывают о своем происхождении. Российский профессор в Санкт-Петербурге отметил социологический аспект такого опыта:

Когда сюда приезжают мигранты, они пытаются строить свои отношения. Например, в общежитии. Самый доступный способ для них? Конечно, это происходит через исламскую этику. По крайней мере внешне, как соблюдение некоторых элементарных норм, в том числе ритуальных. Поэтому для них религиозность становится для них более важной, чем дома, поскольку социальные связи должны строиться на какой-то этике. Это самый доступный и понятный путь. Поэтому ислам становится инструментом построения внутренних отношений; это понятно, удобно и т. д. Но иногда вам нужно доказывать своим родителям и родственникам, что вы не испорчены и что вы не стали алкоголиками, и поэтому они придерживаются своей внешней исламской этики в своем поведении. (СтПб 04)

Однако, хотя некоторые люди принимают “внешнюю исламскую этику”, по словам трех респондентов, большинство трудовых мигрантов из Узбекистана не практикуют ислам и не выполняют исламские религиозные ритуалы. Например, лидер организации диаспоры в Астрахани сказал следующее:

³¹ Школа Ханафи является одной из четырех правовых школ в суннитском исламе (фикх). Она названа в честь ученого Абу Ханифа Ан-Нуман ибн Табита (умер в 767). Она имеет наибольшее число последователей среди мусульман-суннитов и доминирует в странах, которые когда-то были частью Османской империи.

Поскольку большинство из них не являются полностью религиозными, то есть все они считают себя, конечно, мусульманами, но они не придерживаются религиозных ритуалов; особенно из Кашкадарьи, Сурхандарьи, Хорезма. И около 65% узбекских мигрантов приезжают из Хорезма, так как это находится в географической близости. (Астр 12)

Восприятие индивидуальных стимулов

Деньги/Экономические стимулы

По данным 23 респондентов (44 процента), деньги воспринимаются как стимул для присоединения к организациям, проповедующим насильственный экстремизм. Типичный нарратив в проведенных интервью гласил, что стремление к деньгам побуждает людей к насильственному экстремизму, поскольку многие трудовые мигранты имеют большие задолженности. Такое тяжелое финансовое положение усугубляется для нелегальных мигрантов, поскольку у них меньше возможностей и меньше обращаются к основным каналам поддержки. В этом уязвимом финансовом, социальном и психологическом состоянии они становятся жертвами преступных группировок и в некоторых случаях насильственно-экстремистских вербовщиков. По мнению пятнадцати опрошенных (28 процентов), именно в этот момент на горизонте появляются группы насильственного экстремизма: они обещают облегчить финансовые проблемы мигрантов и оказать им поддержку. Как только доверие заработано, вербовщики начинают продвигать религиозный дискурс и повествования, чтобы прозелитизировать и убедить таких людей участвовать в военных действиях на Ближнем Востоке. Мигрантам также обещают новую работу и регулярную зарплату за участие в строительстве новой страны - Исламского государства. Такой популярный нарратив был рассказан, в частности, рабочим со стройки и директором компании в Новосибирске:

Я слышал про одного парня из моего родного города, который пропал в Москве. Он был молод и неопытен в жизни. У него не было денег, так как его начальник не заплатил ему. И в метро у него украли все, что у него оставалось. Тогда кто-то помог ему и убедил его уехать в Турцию. Все потому, что он общался с некоторыми ваххабитами. (Ново 14)

Как я уже сказал, если действует ячейка, то они пытаются в первую очередь вербовать тех ребят, у которых есть проблемы. В первую очередь, денежные проблемы. Когда у жертв нет ни еды, ни денег. Я слышал о случаях, когда парню обещали 5000 долларов, чтобы отправить его семье, и он соглашался на сделку, рассматривая это как решение всех своих проблем. Он не думает о последствиях и о том, как он просто продал свою жизнь за эти 5000 долларов. (Ново 16)

Однако четыре респондента (7 процентов) высказали отличное мнение о первичности денежных стимулов. Например, лидер узбекской диаспоры в Астрахани отметил, что “сотни и тысячи мигрантов попадают в безнадежные ситуации. Но не все решают братья за оружие или ехать в Сирию” (Астр 8). Несколько участников отметили, что на самом деле некоторые из завербованных имели работу и деньги и не были финансово уязвимыми. Узбек из Екатеринбурга сказал, что у некоторых новобранцев были “бизнес, работа и богатые родители” (Екат 7), в то время как узбек, владеющий бизнесом в Новосибирске, также рассказал о том, как “была завербована пара молодых ребят из Намангана” (Ново 16), хотя у них были хорошая работа и легальный статус.

Религия

Двенадцать респондентов (23 процента) упомянули религию в качестве стимула к участию в насильственном экстремизме. Данные выявили два основных представления о роли религии в насильственном экстремизме. Первое рисует картину отдельного течения в исламе (“ваххабиты”), которое наносит вред господствующей ортодоксии (мазхабы³²) среди центральноазиатских народов, что приводит к насилию. Многие респонденты также обвиняли “ваххабитов”, наряду с США, в развязывании войны в Сирии. Согласно этой точке зрения, трудовых мигрантов вводят в заблуждение неверной трактовкой ислама. Это точка зрения, которая принижает роль самих радикализованных трудовых мигрантов и изображает их как объект манипуляции и лжи со стороны “ваххабитов”. Пример такого понимания был сформулирован российским профессором в Астрахани:

Схема проста. Они подходят к парню из Центральной Азии [на базаре] и спрашивают: “Вы мусульманин? Если да, то почему бы вам не молиться” и т. Д. Они ведут их в мечеть, где большинство прихожан - кавказцы. Таким образом, [выходец из Центральной Азии] оказывается в такой среде, которая подавляет его и готовит к манипуляции. Поэтому “исламизация” мусульман из Узбекистана, например, усиливается здесь, но не в Узбекистане. (Астр 10)

В то же время вторая точка зрения представляет религию как источник идентичности и как моральный стандарт, который люди считают себя обязанными воспринимать серьезно. Такой взгляд не проводит как таковой причинно-следственной связи между религией и проблемой насильственного экстремизма, а скорее предоставляет радикализованным людям чувство цели и миссии, чтобы защитить мусульман от угнетения правительством Асада в Сирии или помочь мусульманам создать Исламское государство. Такая точка зрения на религию наделяет трудовых мигрантов большими возможностями. Узбекский лидер в Астрахани связал радикализацию с озлобленностью: “Когда человек видит постоянные нарушения справедливости и норм, он становится в каком-то роде революционером, даже экстремистом” (Астр 8). Такое мнение разделяет директор компании в Новосибирске, который отметил, что некоторые молодые люди считают, что “война там [в Сирии] - это война за справедливость, ислам и Аллаха” (Ново 16).

Жажда приключений

Третий и наименее упоминаемый индивидуальный фактор заключается в идее поиска “приключений”, когда некоторые молодые люди либо стремятся стать “героями”, либо испытывают скуку в своей жизни, и поэтому ищут приключения. Это связано главным образом с поисками другого образа жизни. Лидер узбекской диаспоры в Новосибирске сказал, что было много новоиспеченных новобранцев, в основном “тех, кто не работает и не занимается спортом, у них больше свободного времени” (Ново 17). В целом, это желание было сформулировано как нечто негативное и глупое - результат импульсивной и восприимчивой молодежи. Религиозный лидер в Самаре признал, что для некоторых молодых людей война в Сирии является “джихадом” и их тянет к приключению, связанному с ним: “Им очень легко поверить, что война в Сирии - это джихад. Таким образом, они так же ищут для себя какое-то приключение или даже славы героев. То есть, совершенно не осознавая, что происходит” (Сама 22).

Восприятие уязвимых групп и групп в зоне риска

Опрошенные назвали следующие категории людей, уязвимых к пропаганде насильственного экстремизма, они представлены ниже в порядке частоты употребления терминов:

³² Четыре основные школы исламского права в суннитском исламе.

1. Молодежь.
2. Нелегальные мигранты.
3. Необразованные мигранты: особенно не умеющие говорить по-русски.
4. Одиночки: люди, не связанные с семейными и родственными группами.

Более половины респондентов назвали молодежь важным фактором вербовки. Рабочий на стройке в Новосибирске назвал завербованных “молодыми, глупыми и неопытными” (Ново 15), утверждая, что более старших мужчин удержат мысли о своих семьях. Такое же мнение разделяет бывший исламист в Москве, который сказал, что пожилой человек не присоединится, потому что “у него есть ответственность, дети и семья” (Моск 1). Узбекский лидер в Астрахани подтвердил эту точку зрения, утверждая, что “некоторые руководители групп принимают немолодых ребят. Женатый мужчина имеет обязанности и смотрит на мир по-другому” (Астр 8).

Второй тип людей уязвимых к вербовке и радикализации - нелегальные мигранты. Различие между легальными и нелегальными работниками имеет серьезные последствия для трудовых мигрантов. Легальные работники-мигранты зарабатывают больше, пользуются большей безопасностью и менее уязвимы для эксплуатации. Общее понимание заключалось в том, что именно незаконные трудовые мигранты, а не обладающие легальным статусом, становились жертвами вербовщиками в насильственный экстремизм и преступных группировок из-за своих финансовых трудностей и отсутствия правовой защиты. По словам мужчины из Екатеринбурга, “деньги затмевают все остальное ... Нелегального иммигранта легко завербовать, если он остается без денег” (Екат 6).

В-третьих, необразованные мигранты были названы уязвимыми для вербовки. Женщина-собеседница в Самаре объяснила следующим образом:

Большинство из них [узбеки] не знают хорошо русский язык, много таких кто [недавно] приехал из кишлаков [сельских поселений полукочевых людей], без [профессии], приезжают самостоятельно, не будучи приглашенными сюда знакомыми и родственниками. Конечно, для адаптации такие люди являются наиболее проблематичными, и именно они становятся жертвами мошенничества посредников или даже вовлекаются в сектах, которые охотно ищут именно таких ... многие из них малограмотные. Я не говорю о религиозном образовании, а о светском чтении и письме. Они не знают и не понимают местные законы, обычаи или культуру. Это также важно для адаптации. (Сама 8)

Более того, семь респондентов (13 процентов) отметили отсутствие языковых навыков в качестве основного источника уязвимости трудовых мигрантов. Неспособность многих мигрантов говорить на русском языке затрудняла их способность конкурировать на рынке труда и усложнила адаптацию к социальной и культурной жизни в России. Что касается вербовки, это предполагает, что контакт с кавказскими насильственными экстремистами будет минимизирован, и это означает, что основными агентами радикализации являются другие узбеки. Тем не менее, данные умалчивают о связи между неспособностью некоторых мигрантов говорить на русском языке и как это обыгрывается в методах вербовки насильственных экстремистов. Человек, работающий в миграционном центре в Краснодаре, сказал, что те мигранты, которые не в состоянии адаптироваться, рискуют стать рабами: “Из 100, возможно, только 5 владеют русским языком. Они - единственные, у кого есть возможность правильно адаптироваться. 50% приезжих родились в деревнях. Они приезжают сюда в автобусе без денег, а затем оказываются на улице. Это “практически готовые рабы” (Кдар 7).

Последней группой, уязвимой для насильственного экстремизма, являются одинокие люди или мигранты, не связанные семьей и родственными узами. Отсутствие семьи в чужой стране и отсутствие связи с другими членами их собственных этнических групп были названы одной из форм уязвимости. Один из мужчин в Екатеринбурге сказал, что те, кто приехал “без родственников, соседей или друзей, которые знали бы ситуацию и помогли бы в поисках работы, становятся уязвимы” (Екат 7). Смысл в том, что отсутствие обычных социальных или этических стандартов, предоставляемых в рамках групп, делает людей более восприимчивыми и уязвимыми для новых идей, практик и жизненных сценариев. Эффект такой изоляции был описан российским профессором как форма “психологической травмы”:

Большинство научились адаптироваться, создавать альтернативные сообщества. Но некоторые из них выпадают из этих сообществ. И для некоторых из них это становится определенной психологической травмой. Поэтому необходимо отдельно рассматривать каждый случай. И такое изолированное состояние, как вы сказали, является причиной психологически слабого места, которое используют вербовщики. (СтПб 4)

Восприятие устойчивости

Трудоустройство

21 респондент (40 процентов) и все три участника в фокус-группе назвали трудоустройство в качестве ключевого источника устойчивости. Трудовые мигранты в России работают и зарабатывают деньги; многие из них имеют обязательства в своих родных странах, причем многие участники исследования сами содержат семьи. Кроме того, для шести респондентов (11 процентов) было мало или вообще не было возможностей для трудоустройства в Узбекистане. Эти факторы обеспечили сильные стимулы для трудовых мигрантов сосредоточить свои усилия на работе. Фактически, исходя из ответов на вопрос о досуге и социальной жизни, можно понять, что работа занимает все время в жизни большинства трудовых мигрантов, участвовавших в исследовании. Как объяснил российский академик в Санкт-Петербурге, “трудовой мигрант работает здесь интенсивно, уставая, он уже по большому счету не имеет времени для отвлеченного времяпровождения, и поэтому ничего такого с ним не происходит” (СтПб 04). Узбекский бизнесмен в Астрахани разделяет такое мнение: “Никто не убежит на джамаат, они заняты только своей работой и обеспечением своей семьи” (Астр8). Собеседник из Краснодара рассказал о том, как обеспечение своей семьи может обеспечить большую мотивацию, чем религия: “У меня есть другие цели (помимо религии) - у меня есть дети, и им нужно встать на ноги, чтобы они могли учиться где-то хорошо, а затем найти свою собственную жизнь” (Крас 6).

Иерархия и лидерство в сообществах

Более половины респондентов подчеркнули роль лидеров и форм общинной иерархии как надежного источника устойчивости. Будь это бригадир, мудрый религиозный старейшина или представитель общины, всех их объединяет понятие лидерства и иерархии. Респонденты ясно дали понять, что у узбеков культура зиждется на иерархии, и что общинные лидеры старше и опытнее молодых трудовых мигрантов.

Другим важным источником устойчивости является роль бригадира на рабочем месте. Бригадир отвечает за руководство и надзор за группой рабочих, но также, как представляется, играет активную роль в оказании пастырской помощи своей “бригаде”, например, путем наставничества. Эта связь

между бригадиром и его бригадой рабочих, особенно в вопросах насильственного экстремизма, подчеркивается одним бригадиром строительной отрасли, который живет в Астрахани: “Они [вербовщики] хитры, но мы уже все понимаем. Теперь у нас нет глупцов и дураков. Мы начали все понимать. Все бригадиры разговаривают со своими людьми. И здесь, на строительных площадках, и на базарах” (Астр 11).

Узбекский лидер диаспоры в Астрахани подробно рассказал о роли бригадира:

Конечно, сообщество очень иерархично. Самый старший из группы - старший бригадир. Он несет ответственность за все, даже за поведение своих подчиненных. На втором уровне - заместители бригадира. В общине соотечественников есть также главные бригадиры, а также авторитеты, которые знают религиозную этику, то есть кто может правильно провести религиозный ритуал.

[О молодежи и где они беседуют:] в основном на работе ... иногда они сидят в кафе, но чаще всего в наших узбекских чайханах [чайных] - таких уже много в Астрахани. Молодые люди особенно предпочитают эти места ... но все только с разрешения бригадира.

В некоторых случаях, если бригадир не отвечает определенным требованиям, люди покидают его бригаду и присоединяются к другой бригаде. Поэтому бригадиры вынуждены придерживаться элементарных правил ... мы, то есть наш офис и служба - мы также для них власть. (Астр 12)

Идея послушания постоянно присутствует в жизни трудовых мигрантов. Как показывают данные, распространено уважение к старейшинам или благочестивым и мудрым пожилым людям. Как сказал один из опрошенных в Екатеринбурге: “Есть старейшины, и есть хорошие эксперты в исламе среди нас . Они постоянно предупреждают нас и особенно нашу молодежь” (Екат 6). Лидер диаспоры Новосибирска рассказал, как молодые люди доверяют мнению пожилых людей и “спрашивают их при необходимости” (Ново 17). Точно так же рабочий в Астрахани сказал: “Мы, старшие парни в команде, внимательно следим за молодыми людьми”, также “Здесь мы как солдаты. Мы должны уважать наших командиров ... Они хорошие люди ... которые будут удерживать нас от неправильных” (Астр 11). Важно подчеркнуть, что эта взаимосвязь между пожилым и молодым поколением и социальные механизмы на основе иерархии могут служить серьезным источником устойчивости.

Позитивная роль органов власти

Другая форма устойчивости - это позитивная роль российских властей и их взаимодействие с диаспорскими сообществами. Несколько респондентов подчеркнули, что общины диаспор имеют связи с российскими службами безопасности и они сотрудничают по изгнанию вербовщиков. Как сказал один из жителей Екатеринбурга: “Если мы их узнаем, мы их депортируем” (Екат 8). Аналогичным образом лидер диаспоры в Красноярске заявил: “Наша диаспора находится в частых контактах с службами безопасности” (Крск 10), а владелец бизнеса в Екатеринбурге сказал: “Мы, диаспоры, сотрудничаем много между собой и с местными службами безопасности” (Екат 9). Об этой связи между местными властями и диаспорой представитель узбекской диаспоры в Хабаровске высказался следующим образом:

У нас не было таких случаев в Хабаровске, все на виду в нашем сообществе, и если где-то начинаются разговоры о вербовке, то это сразу становится известно. Кроме того, местные власти постоянно предупреждают нас, и мы проводим работу с населением, объясняя им, что если они встретят таких людей, то пусть не поддаются на их агитацию. (Хаб 25)

Поддержка сообщества

Выявлено, что поддержка сообщества служит источником устойчивости к насильственному экстремизму. Данные свидетельствуют о том, что узбекские трудовые мигранты создали в России общинные сети, хотя некоторые из них находятся в зачаточном состоянии в некоторых городах. Эти новые структуры частично связаны со сплоченными конфигурациями семей и друзей, которые составляют местные сообщества диаспоры. Узбекский строитель в Новосибирске объяснил важность наличия друзей при прилете в Россию: “Когда сюда приезжают люди из дома, они не понимают, что им нужны надежные друзья. Вы не можете жить здесь без надежной работы и надежных друзей” (Ново 14). Трудовые мигранты чаще всего отправляются жить в районы и города, где уже живут их родственники или друзья. Лидер узбекской диаспоры в Иркутске пояснил:

Узбеки организованы в группы по месту/городу происхождения или даже по принципу более маленьких населенных пунктов, и во главе каждой группы - старшее лицо, *старший* (старший руководитель³³), которого все уважают и который координирует связи с местной администрации, организациями диаспоры, чтобы контактировать с мигрантами, они являются наиболее надежными лидерами для мигрантов, так как знают все о каждом человеке в своем кругу. (Ирку 16)

Важно не только знать о наличии работы в той или иной отрасли (что может частично объяснить, почему в некоторых отраслях и секторах труда преобладает определенная этническая группа), но также и о жилье и в целом о поддержке. Согласно данным, главными фигурами общинных сетей являются лидеры диаспоры, руководители мечетей, бригадиры, консульство и культурные центры. Каждая из этих ролей и сфер выполняет различные практические и символические функции. Например, лидер диаспоры не имеет официального обязательства помогать тем, кто приходит к нему с просьбой о помощи, но они делают это по доброй воле и из чувства социальной ответственности. Согласно данным, определенная поддержка, которую предоставляют лидеры, варьируется от оказания помощи мигрантам в заполнении документов и форм, предоставлении им газет на родном языке, помощи в организации похорон, общей информации и советах. Как объяснил мужчина-строитель в Новосибирске: “[Мигранты] не имеют связей или контактов за пределами своей собственной группы. С некоторыми проблемами они обращаются к лидеру диаспоры - он очень полезен и уважаем. Помогает с получением патентов и т.д. Изредка они также обращаются к консулу” (Ново 19). Мечеть играет скорее пасторскую роль, подчеркивая более духовный, образовательный и моральный источник поддержки трудовых мигрантов. По словам двух респондентов, работающих в мечетях (Сама 9 и 22), мечеть также выступает в качестве места убежища для уязвимых трудовых мигрантов.

Образование

Важность наличия “образования” как источника устойчивости к насильственному экстремизму была упомянута семнадцатью респондентами (32 процента), хотя это означало разные вещи для разных людей. В зависимости от контекста, образование может относиться к светскому, моральному, религиозному или культурному образованию. Например, узбек, работающий продавцом рынка в Самаре, выделил особую форму образования, которая помогла ему при мигрировании в Россию и которая выступала в качестве одной из форм защиты от радикализации:

³³ Термин относится к старшинству возраста или ранга. В этом контексте это означает старшего руководителя.

потому что я нормальный человек, потому что я получил хорошее образование дома. Когда я ушел в первый раз, меня провожала вся *махалля* [община]. Старые люди говорили о многом, но предупредили - "не иди по кривой дороге". Все родители, чьи дети покидают дом, будь то на работу или учебу, также собирают пожилых людей и дают своему ребенку выслушать аксакалов [старейшин]. Это важно. Я скажу так: дети будут такими, как их родители. (Сама 6)

Исходя из комментария, образование рассматривается с точки зрения морального и социального воспитания. Таким образом, образование воспринимается как одна из форм устойчивости в нескольких аспектах. Во-первых, образование предоставляет трудовым мигрантам возможность более уверенно оспаривать экстремистские толкования религии. Во-вторых, он подготавливает трудовых мигрантов к жизни в России. Несколько опрошенных говорили о важности умения говорить на русском языке. В-третьих, образование дает им навыки для конкурентоспособности на рынке. В-четвертых, хорошее образование расширяет диапазон возможностей для трудовых мигрантов, стремящихся интегрироваться в российскую жизнь, тем самым уменьшая риск попасть в уязвимые ситуации.

Религия

Для трети респондентов, более глубокое понимание ислама рассматривалось как форма устойчивости. Даже базовые знания об Исламе позволяют трудовым мигрантам оспаривать и критично оценивать насильственно-экстремистскую идеологию. Узбекский учитель в Екатеринбурге объяснил, что "человек откажется от вербовщика, потому что он понимает, что такое ислам, и он разговаривал с имамом" (Екат 7). Это знание не обязательно должно быть глубоким или обширным. Даже базовое понимание ислама может дать возможность индивидууму уверенно оспаривать насильственно-экстремистскую идеологию, о чем свидетельствует следующая история от узбекского бригадира на стройке в Астрахани, когда его коллеге незнакомец в мечети сказал, что он должен ехать воевать в Сирию:

Один из моих ребят неплохо разбирается в религии. Он ответил красиво - "идите воевать за себя, если вы так беспокоитесь об этих ваххабитов". Он даже хотел подраться - там остановили другие ребята ... И я всегда говорю ребятам, что если вас попытаются где-то заманить, ответьте тем же - езжайте сами [в Сирию]. [Экстремисты] сами не пойдут, но они будут получать доллары за каждого обманутого и класть себе в карман. (Астр 11)

Однако 20 респондентов (38 процентов) определили свою приверженность умеренной религиозной традиции и выразили мнение, что джамааты, а также салафистские и ваххабистские течения в противовес общепринятым религиозным институтам являются одной из форм уязвимости. Бывший исламист, например, подчеркнул необходимость придерживаться "школы исламского права ханафи, нашего верного и правильного пути" (Моск 1). Считается, что большинство узбеков, будучи равнодушными к различиям между различными внутренними течениями в исламе, воспринимают все правильно: распространенность общепринятой и признанной традиции ислама может быть и действительно является формой устойчивости.

Восприятие насилия и политики

Четверо респондентов не выразили интереса к политике. Их аполитичная позиция была следствием очень напряженного образа жизни в качестве трудовых мигрантов. Другими словами, большинство

мигрантов не имеет времени для досуга, не говоря уже о том, чтобы заниматься политикой. Однако это не означает, что респонденты не выражали политические взгляды. Там, где политические взгляды были сформулированы, они, как казалось, отражают доминирующий в России дискурс, особенно в отношении конфликта в Сирии.

Тем не менее, девять респондентов (17 процентов) осудили применение насилия для достижения политических целей. Как сказала женщина, работающая на фабрике в Самаре:

Применение насилия, особенно от имени ислама или другой религии, это уже не политика, это психологическая проблема этих людей. Они думают - ну, ударил ты человека и поместил это видео в Интернет, и ты сразу герой. Да он просто идиот и болен. Но самое страшное состоит в том, что после просмотра этой информации люди во всем мире начинают думать, что все мусульмане и все мусульманки такие.

В частности, многие считают, что конфликт в Сирии, особенно существование и деятельность ИГИЛ, или те, кого часто и ошибочно называют “ваххабитами”, запятнали образ ислама. Некоторые участники высказали мнение, что одним из факторов устойчивости среди трудовых мигрантов является то, что в целом они не интересуются политикой по сравнению с более широким населением.

II. Трудовые мигранты из Кыргызстана

Сара Лейн

ДАННАЯ ГЛАВА разделена на пять частей в соответствии с методологией анализа, которая используется для обработки данных. Эти части включают: восприятие структурной мотивации; восприятие способствующих факторов; восприятие индивидуальных стимулов; восприятие уязвимых групп населения и групп в зоне риска; и восприятие устойчивости. Главная цель этой методологии - анализ движущих сил радикализации с учетом важности контекста, а также охват максимально широкого диапазона взаимосвязанных факторов.

Восприятие структурной мотивации

Общая дискриминация

Хотя респонденты не проводили явной связи между дискриминацией и радикализацией, дискриминация упоминалась как общая проблема и может считаться структурной мотивацией. Одиннадцать человек (13 процентов) в различной степени упомянули о дискриминации. Три человека (4 процента) ссылались на использование уничижительного термина “чурка” (буквально “кусочек дерева”) в отношении выходцев из Центральной Азии (Моск 31, Екат 14 и Хаб 3). Узбекский мужчина из Оша, живущий в Москве и работающий на стройке, считает, что русские относятся к центральноазиатским гражданам как к людям “второго сорта” (Моск 23). Другой мужчина-респондент, живущий в Москве и работающий врачом, считает, что расизм влияет на развитие профессионалов в его сфере. Он сказал, что в его клинике “люди с меньшим опытом получают повышение на руководящие должности. Это потому, что они славяне по этнической принадлежности” (Моск 27). Однако дискриминацию

испытывают не все. По меньшей мере, три человека (Проч 5, Крск 15 и Сама 18) ясно заявили, что у них никогда не было проблем с дискриминацией или что изначально подозрительность со временем сошла на нет. Например, узбек из Оша, который живет в Москве и работает менеджером в микрокредитной организации (Проч 5), не чувствует какой-либо дискриминации и не ощущает, что его национальность или этническая принадлежность когда-либо мешали ему.

Шесть человек (8 процентов) дали ясно понять, что и стереотипы, а не только дискриминация, могут быть связаны с восприятием ислама и терроризма (Сама 12, Проч 3, Моск 24, Моск 26, Моск 28 и Кдар 15). Один девятнадцатилетний узбек-студент, проживающий в Самаре, сказал: “Я знаю мусульман, которые отрастили бороды, и это нормальные люди. Но здесь они думают, что если у кого-то есть борода - он сторонник ИГИЛ” (Сама 12). Еще один этнический узбек, который ранее работал строителем в России, но сейчас проживает в Кыргызстане, также отметил, что в России “мирные мусульмане преследуются. Их обвиняют в террористических актах. Мы мирные люди. Дискриминация людей также ведет к радикализации” (Проч 3).

Четыре человека (Моск 28, Моск 24, Кдар 15 и Моск 25) рассказали об ощущениях, что к центральноазиатским гражданам относятся с подозрением, в том числе из-за восприятия российским обществом их связи с терроризмом. Трое упомянули о взрыве бомбы в Санкт-Петербурге молодым узбеком из Кыргызстана в апреле 2017 года (сравнительно недавний инцидент на момент проведения опросов). Один из респондентов узбекской этнической принадлежности, работающий на стройке в Москве, сказал, что:

последние события, такие как взрывы в метро, все это представлено таким образом, как будто мигранты являются потенциальными террористами. Местные жители не любят, когда мигранты собираются большими группами (например, для молитв) и становятся причинами дорожных пробок, им не нравится, как ведут себя мигранты, и даже как они одеваются. Все это раздражает местное население Москвы. (Моск 24)

Два других человека - женщина-кыргызка, проживающая в Москве (Моск 28), и мужчина-кыргыз, живущий в Краснодаре (Кдар 15) - отметили, что после нападения усилилось наблюдение и участились проверки со стороны российских властей.

Дискриминация со стороны властей

Пятнадцать респондентов (19 процентов) отметили, что в той или иной форме подвергались дискриминации со стороны российских властей. Большинство жалоб было связано с злоупотреблением должностью, причем некоторые респонденты говорили о конкретной необходимости платить взятки, а также о более абстрактном ощущении несправедливости системы. Например, один этнический узбек, проживающий в Краснодаре и управляющий частной компанией по оказанию помощи мигрантам с документацией, сказал:

[3]здесь много случаев, когда полиция останавливает мигрантов без какой-либо причины, проводит аресты и вымогает деньги ... Предлог - отсутствие надлежащих документов. Бывали случаи, когда полиция предъявляла поддельные счета мигрантам и вымогала деньги, обвиняя их в совершении правонарушений. Как мигранты могут защитить себя в таких случаях? (Кдар 02)

С другой стороны, два респондента - этнический узбек, работающий на стройке в Санкт-Петербурге (СтПб 11) и этнический кыргыз, который работает среди диаспоры в Санкт-Петербурге (СтПб 9) - сказали,

что у них не было проблем с властями и предположили, что если у мигранта все в порядке с документами, не должно быть никаких проблем. По их мнению, проблемы с властями обычно появляются по вине самих трудовых мигрантов. В частности, этнический кыргыз сказал, что “[другие мигранты] жалуются, что их останавливает и арестовывает милиция [полиция в России]. Я говорю, что за 30 лет меня ни разу не останавливали и не задерживали ... если вы будете себя вести как должно, никто вас не тронет” (СтПб 9).

Один из респондентов полагает, что дискриминация со стороны властей может стать поводом для радикализации. Этот респондент был этническим азербайджанцем из Оша. Он проживает в Москве, но ранее отбывал наказание в тюрьме в Кыргызстане за участие в запрещенной организации Хизб-ут-Тахрир³⁴. Он сказал: “Они присоединяются [к ИГИЛ], потому что их преследовали, и они хотят отомстить... Я знаю так много людей, которые мечтают отомстить [правоохранительным органам]” (Моск 25). Однако, ввиду его прошлого, его взгляды, возможно, отличаются от популярной точки зрения, и также важно отметить, что на его взгляды, вероятно, отрицательно повлиял его опыт пребывания в тюрьме.

Однако в определенной степени такую точку зрения поддержал этнический узбек, проживающий в Санкт-Петербурге, который рассказал о том, почему его брат уехал в Сирию, и выделил негативную роль деятельности правоохранительных органов в Кыргызстане как фактор его радикализации:

Мой брат отправился в Сирию [из южного Кыргызстана]. Прежде чем он отправился туда, ему было очень тяжело (из-за правоохранительных органов), его вызвали на допросы, посадили в тюрьму, вымогали деньги и, наконец, его отправили в Сирию, где он умер [во время военных действий]. Если бы у меня была возможность и мне дали бы автоматическую винтовку, я бы убил каждого обидчика [от властей] моего брата, я бы застрелил каждого из них. (СтПб 10)

Проблемы, связанные с трудоустройством

Несмотря на то, что многие респонденты из Кыргызстана неоднократно подчеркивали, что процесс трудоустройства в России для них упростился, поскольку их страна присоединилась к Евразийскому экономическому союзу в 2015 году, однако они все еще сталкиваются с некоторыми проблемами. Четыре респондента (5 процентов) упомянули проблемы с работодателями. Двое (Кдар 3 и Иркут 22) заявили, что некоторым трудовым мигрантам не удается заключить официальные контракты с работодателями. Лидер кыргызской диаспоры винит в этом работодателей: “Российские работодатели не хотят платить налоги, и поэтому наши люди нанимаются без документов” (Кдар 03). Этнический кыргыз, представляющий диаспору в Иркутске, напротив, обвинил самих трудовых мигрантов, заявив, что “вновь прибывшие мигранты не пытаются оформить все на бумаге ... это происходит из-за отсутствия образования. Они не знают законов” (Иркут 22).

Два других респондента (Екат 14 и Сама 13) пожаловались на то, что работодатели не выплачивают вовремя или задерживают заработную плату. Сезонный рабочий-мигрант из Кыргызстана, живущий в

³⁴ Хизб ут-Тахрир (Партия освобождения) - международная панисламистская политическая организация. Она была основана в 1953 году как суннитская мусульманская организация в Иерусалиме Такиуддином аль-Набхани. С тех пор Хизб ут-Тахрир распространилась на более чем 50 стран. Ее целью является воссоздание Исламского халифата или Исламского государства. Новый халифат должен объединить мусульманское сообщество (Умма) в рамках унитарного сверхгосударства объединенных стран с мусульманским большинством. Предполагаемое государство будет функционировать на основе исламского шариата. Несмотря на то, что это ненасильственная организация, Хизб ут-Тахрир запрещен во многих странах.

Екатеринбурге, рассказал о своем опыте: “[работодатель] уволила нас без причины, но мы работали без контракта - она не платила нам зарплату. Мы звоним, но она не берет трубку. Мы можем только винить себя, поскольку мы работали без трудового договора” (Екат 14). Четыре человека (Хаб 04, Ирку 13, Ирку 14 и Кдар 9) упомянули о посредниках, которые обманывают трудовых мигрантов. Например, кыргызский мужчина, который работает в местных органах власти, сказал: “Есть много посредников. Здесь они находят вакансии/предложения о работе, а затем приглашают людей [в Россию]. Они забирают у них паспорта, якобы для целей регистрации, а затем таким образом начинают эксплуатировать их” (Ирку 13). Кыргыз, работающий врачом, отметил: “Да, среди наших соотечественников много мошенников” (Ирку 14).

Ограничения на родине

Четыре респондента (Ирку 14, Проч 5, Моск 25 и Моск 24) считают, что проблемы с радикализацией начинаются на родине, особенно из-за контроля, осуществляемого там правительством, хотя большинство из них сразу отметили, что Кыргызстан более открытая страна, чем Узбекистан и Таджикистан. Один кыргыз, который работает врачом в Иркутске, в частности, упомянул о религиозных преследованиях в Таджикистане и Узбекистане:

В других республиках, кроме Кыргызстана, мусульмане подвергаются преследованиям, например, в Таджикистане, Узбекистане, проводятся репрессии против тех, кто носит шарфы или бороды. В России есть свобода; они могут делать то, что им запрещено делать в других странах ... Когда что-то запрещено или людей в чем-то ограничивают, это приводит к большему интересу и стремлению ко всем этим запрещенным вещам. (Ирку 14)

Другой этнический узбек из Кыргызстана присоединился к этому мнению, сказав: “Я, например, знаком с одним имамом из Узбекистана. По его словам, тот факт, что узбекские власти жестко контролируют мечети и религиозное образование, способствует распространению радикальных идеологий” (Проч 05).

Проблемы на родине также воспринимаются как провоцирующие отъезд людей в Сирию. Один из опрошенных мужчин из числа этнических узбеков, живущих в Москве, сказал: “Мы должны понимать, что в странах Центральной Азии есть предпосылки для радикализации. Некоторых верующих преследуют и на них оказывают давление официальные религиозные органы, против них также направлена репрессивная деятельность правоохранительных органов” (Моск 24).

Такое мнение было поддержано еще одним этническим узбеком, который ранее работал в Новосибирске и Хабаровске:

[Деньги и безработица здесь ни при чем. У большинства из них было все. Вероятно, некоторые люди были мотивированы репрессивной политикой правительства и тем, что они не могли свободно молиться [в Кыргызстане] ... Изначально, не понимая ситуации, я тоже поддерживал войну в Сирии. Но позже, с помощью Бога, я стал лучше понимать и увидел все в другом свете. (Проч 03)

С другой стороны, некоторые кыргызские участники воспринимают относительную свободу в России как разрешительную среду, в которой может произойти радикализация. Это несколько парадоксальный набор выводов о роли общественной толерантности в процессе радикализации - с одной стороны, некоторые полагают, что относительно закрытый характер Таджикистана и Узбекистана приводит к радикализации, а с другой стороны, другие полагают, что относительная открытость России и

Кыргызстана могут как стимулировать радикализацию (в России), так и выступать в качестве защитного фактора против радикализации (в Кыргызстане) - подчеркивает степень неопределенности связи между свободой самовыражения и процесса радикализации. Несмотря на то, что это, возможно, обоснованное заключение, дискуссия может также всего лишь отражать этническую предвзятость, поскольку кыргызские респонденты склонны подчеркивать преимущества своей родины по сравнению с другими странами Центральной Азии.

Восприятие способствующих факторов

Мечети и религиозные лидеры

Пять респондентов (6 процентов) считают, что мечети и имамы могут внести вклад в радикализацию. Один из кыргызских мужчин-предпринимателей из Джалалабада, проживающий в Астрахани, рассказал о случае вербовки в Красной мечети в Астрахани. Он отметил, что:

там кавказцы, таджики или узбеки подходят к молодым и неопытным парням и предлагают им неплохие деньги за предполагаемую работу. Но, конечно, это обман. Сначала они дают в качестве приманки 2-3 тысячи долларов США, а затем говорят, что “там” вы получите больше и убеждают их уехать. Немногие принимают предложение, но были случаи, когда молодые парни попадались на такие трюки. (Астр 09)

В частности, упоминался религиозный лидер, который, как подозревали, был радикальным (интересно, что в этом контексте было использовано слово “ваххабиты” как синоним слова “радикальный”): “здесь был киргизский парень. Он был заместителем имама. Он также был радикальным. Потом он пропал, бог знает куда. Власти вывесили уведомление о его розыске... Кажется, он продвигал идеи ваххабитов” (Ирку 11).

Однако восемь респондентов (10 процентов) убеждены в том, что радикализация не происходит в мечетях. Эти респонденты явно испытывали уважение к мечетям и религиозным лидерам, причем двое верили, что роль имамов заключалась, в частности, в “поддержании порядка” (Проч 5) и что радикализация не может произойти, поскольку “там есть контроль со стороны имамов” (Сама 24). Мечети и роль религиозных лидеров были названы респондентами источниками устойчивости.

Вербовка

Опрошенные респонденты не сталкивались лично с вербовкой. Девять человек поделились собственными представлениями о том, кем являются вербовщики, это в основном выходцы из Центральной Азии или люди с Кавказа, такие как дагестанцы или чеченцы. Четверо (Екат 12, Кдар 14, Ирку 11 и Астр 14) прямо ссылались на кавказцев. Например, человек из Екатеринбурга отметил: “Я не знаю о вербовщиках, но об этом говорили по телевидению. Я слышал, что это кавказцы, которых преследовали в России и сейчас они воюют в Сирии. Я слышал, что они, вроде бы, получают большие деньги за каждого новобранца” (Екат 12). Другой пришел к выводу, что, “возможно, [вербовщики] - люди с Кавказа. Потому что были арестованы многие дагестанцы” (Кдар 14). Три человека (Екат 10, Моск 32 и Хаб 03) особо отметили, что, по их мнению, узбеки работают над вербовкой людей в России.

Зоны радикализации и вербовки

Девяносто процентов из 79 респондентов и фокус-групп упомянули о людях, отправляющихся в Сирию. Степень информированности и близость респондентов к завербованным лицам варьируется. Например, кыргызский мужчина, живущий в Москве, не был многословен, говоря о том, что “был один молдо в Кара-Суу, которого посадили в тюрьму за распространение пропаганды о войне в Сирии” (Моск 32)³⁵. Но один этнический узбек, проживающий в Санкт-Петербурге (СтПб 10) более подробно рассказал историю о своем брате, который уехал в Сирию. Семь человек (9 процентов) рассказали о своем собственном восприятии радикализации в Кыргызстане, не приводя частные примеры, о которых они слышали. Например, кыргызский мужчина, проживающий в Иркутске, сказал: “Из России в основном люди из Кавказа отправляются в Сирию. Центральноазиаты ... в основном едут из Центральной Азии; не те, кто в России” (Ирку 21).

Одиннадцать человек (14 процентов) и одна фокус-группа дали конкретные примеры и ссылки на случаи радикализации в России. Большинство этих рассказов касалось людей, отправляющихся в Сирию. Некоторые случаи были рассказаны двумя респондентами из одного города. Житель Кыргызстана, проживающий в Иркутске, сказал: “Да, замужняя женщина из Оша, узбечка уехала [в Сирию] со своими детьми. Муж остался. Он не знал, что она ушла ... это был первый случай, когда туда уехал уроженец Кыргызстана” (Ирку 11). Другой человек из Иркутска, который работает в организации помощи мигрантам, также вспомнил эту же историю: “жена парня из Оша поехала туда ... с двумя детьми ... она вернулась в Ош на свадьбу своего брата с детьми, а затем взяла детей, оставила записку для своего мужа и уехала” (Ирку 23). Этот человек считал, что женщина была радикализирована в Оше, но это были его предположения. Он сказал: “Говорят, родственники женщины отправились туда [в Сирию] раньше ... Я думаю, что они и пригласили ее” (Ирку 23).

Однако, радикализация происходила и на родине: два респондента из Самары знали о таких случаях в своих городах. Женщина-кыргызка с российским гражданством рассказала, что было трое молодых узбеков из Оша, которые уехали в Сирию из Самары:

[Молодые узбеки] умерли. Я не знаю, как, но их родители узнали и для каждого установили надгробные памятники ... Все спрашивали друг друга, как это произошло, но никто точно не знал, как ... [Родители] не говорили об этом, но они не горевали и не проклинали войну в Сирии. Теперь они торгуют на базаре, как всегда. (Сама 15)

Респондент не был осведомлен о том, как эти люди были завербованы или как они отправились в Сирию, в особенности потому, что они были “тихими парнями, которые помогали своим родителям” (Сама 15). Кыргыз, также работавший на базаре в Самаре, рассказал об этой истории следующим образом:

[Я] лично видел этих людей на нашем базаре, ошские узбеки 18, 19, 20 лет, которые уехали воевать в Сирию. Мы узнали об этом только тогда, когда их родители начали организовывать для них похороны. Это обычные парни, совсем не отличающиеся от других ... И они как-то, тихо, незаметно, исчезли примерно полгода ... все думали, что они уехали по семейным делам. (Сама 17)

Два человека упомянули о случаях, в которых подозреваемые боевики либо были задержаны, либо напали на людей. Например, кыргызская женщина, работающая дипломатом в Екатеринбурге, сказала,

³⁵ “Молдо” на кыргызском языке означает “мулла”.

что семь человек, подозреваемых в принадлежности к ИГИЛ, были задержаны Федеральной службой безопасности (ФСБ) в Екатеринбурге в феврале 2016 года. Она отметила, что они являются “гражданами Кыргызстана узбекской национальности из Ошской области” (Екат 10). Кыргызский мужчина, продавец из Астрахани, прокомментировал восприятие радикальной деятельности не гражданами Кыргызстана после взрыва бомбы в метро в Санкт-Петербурге. Он сказал, что “сразу после того, как узбек из Оша взорвался в метро в Санкт-Петербурге, здесь в Астрахани начались волнения. Четыре боевика убили двух сотрудников ДПС и хотели организовать теракт ... это были казахи и кавказцы, все ваххабиты” (Астр 14). Опять же, не было четкого определения ваххабитов. Шесть других респондентов (8 процентов) упомянули о том, что знают людей, которые уехали в Сирию или которые побуждали других уехать, но из записей интервью неясно - было ли это дома в Кыргызстане или в России.

Социальные сети

Хотя вербовщики не были четко определены, социальные сети считаются важными. Один из кыргызских мужчин, живущих в Самаре, рассказал о трех одноклассниках, которых он знал еще в Маловодном в Кыргызстане и которые отправились воевать в Сирию. Он сказал, что это произошло под влиянием одноклассника из Карачая” (Сама 20). Другой кыргызский мужчина рассказал о целой семье, которая, как он слышал, отправилась в Сирию из Иссык-Куля (широко известный случай): “Двадцать человек! Они взяли с собой всех своих родственников и маленьких детей. Там, когда они пересекают границу с Турцией, они забирают все их документы, а их семьи берутся в заложники, а мужчинам велят идти воевать; все там приходит к концу” (Ирку 14). Один человек из фокус-группы в Санкт-Петербурге (СтПб ФГОЗ) прокомментировал, почему в основном узбеки из Кыргызстана едут в зону конфликта.

Инструменты радикализации: интернет

Большинство респондентов считают, что интернет является ключевым фактором, способствующим радикализации. Об этом сказали восемь человек (10 процентов) и участники фокус-группы. Например, одна кыргызская женщина, живущая в Екатеринбурге, сказала, что она “слышала, как они общаются в Интернете. [Вербовщики] собираются, возможно, гипнотизируют их” (Екат 12). Три человека приводили конкретные примеры. Один из узбеков, обучающихся в Самаре, сказал, что “в моем городе [Москве] был случай, я даже видел его в новостях. Девушка как-то по интернету познакомилась с сторонником ИГИЛ и попыталась уехать в Сирию, но ее задержали в аэропорту” (Сама 12). Этнический узбек из Санкт-Петербурга, брат которого отправился в Сирию, сказал: “мой брат получал информацию через интернет от своих знакомых [в Турции и Сирии] и уехал туда с их помощью” (СтПб 10). Третий человек, имам, проживающий в Иркутске, рассказал о том, как кыргызская жена одного мигранта уехала в Турцию, никому не рассказывая, хотя у него есть некоторые сомнения относительно ее настоящего местонахождения. Он сказал, что “в социальных сетях, инстаграме, она написала “Я в Турции”. Но где она на самом деле, в Турции или в другом месте - остается неизвестным”. Он сказал: “Она не встречалась ни с кем (насколько он знает) или не присоединялась к какой-либо группе. Она научилась молиться и узнала другие вещи о религии через интернет” (Ирку 22).

Восприятие индивидуальных стимулов

Деньги

Двадцать человек (25 процентов) и три фокус-группы предположили, что деньги могут мотивировать трудовых мигрантов уехать в Сирию и воевать там в рядах экстремистских организаций. Важно

отметить, что это, по всей видимости, больше было основано на мнениях респондентов, а не их собственном опыте или на информации из первых рук. Два респондента (Ирку 14 и Сама 18) считают, что для тех, кто едет в Сирию, это почти что бизнес. Они отметили, что “в основном это рассматривается как бизнес, и если там хорошо платят, то они идут воевать за деньги. Если им не платят, они не идут”, описывая это как способ быстро заработать большие деньги (Сама 18).

Четыре других респондента (СтПб 09, Моск 31, Сама 13 и Хаб 03) и две фокус-группы (СтПб ФГ02 и Крск ФГ01) полагают, что людей обманывают с помощью приманки или обещанием денег. Например, один из респондентов отметил, что:

их заманивают деньгами, говоря, что вы получите 10 тысяч долларов в месяц и от трех до четырех жен ... затем он отправляется туда, пересекает границу, и он исчезает. Они ничего не получают. (СтПб 09)

Кыргызская женщина, работающая на базаре в Самаре, выделила узбеков, размышляя, что ключевой их мотивацией были, “возможно, деньги, большие деньги. Не секрет, что наши узбеки любят деньги больше всего на свете. Еще больше любят узбеки с рынка, у которых никогда не хватает денег для оборота” (Сама 15). Этот расистский комментарий может раскрыть предрассудки этнических кыргызов в отношении узбеков.

Одиннадцать респондентов (14 процентов) более конкретно рассматривали проблему через призму человека, испытывающего трудные времена или переживающего более широкие социально-экономические трудности. Например, респондент из Санкт-Петербурга отметил, что, “приехав сюда, не найдя работу, они начинают страдать. И они начинают искать простой способ заработать деньги” (СтПб 09). В более ярком виде респондент из Иркутска заявил:

потому что у него отчаянная ситуация: проблемы с документами, проблемы с работой и проблемы с жильем. Сначала он занимает деньги, чтобы выбраться из этой ситуации. Затем они говорят ему: есть способ отработать эти деньги. Затем они начинают обрабатывать: смотрите, у вас тут преследуют, не разрешают бороды или платки. Внушают, что им нужно отомстить, или что они могут отработать долг и вернуть истинный ислам своей родине. И они говорят, что человеку надо пойти отработать. Человек уже загнан в угол и едет, но, естественно, они не говорят, что он едет туда воевать. (Ирку 14)

Пять респондентов комментировали социально-экономическую ситуацию на родине, в частности, состояние экономики Кыргызстана и связанную с этим нехватку денег (Кдар 15), а один респондент сказал, что “на государственном уровне правительство должно сократить число мигрантов, увеличивая рабочие места в нашей собственной стране. Экономические проблемы играют большую роль в радикализации” (Сама 21).

Однако не все респонденты согласились. Три респондента (4 процента) сказали, что деньги вряд ли могут быть стимулом. Один респондент (Моск 05) не стал развивать свою мысль. Другой сказал: “Я не знаю о деньгах. Если он умрет там, зачем ему нужны деньги. Если он не может использовать эти деньги, это не имеет смысла. Я не думаю, что речь идет о деньгах” (Ирку 23). Один этнический узбек, говоря о ком-то, кто уехал в Сирию из его деревни, сказал: “Что интересно, так это то, что люди уезжают не из-за денег. У меня есть еще один друг. Перед отъездом в Сирию он был успешным бизнесменом в деревне” (Проч 5).

Вероисповедание

На вопрос о том, почему трудовые мигранты из Центральной Азии могут уехать из России в Сирию, наибольшее количество опрошенных - 20, или четверть всей выборки, - и респонденты из двух фокус-групп ответили, что влияющим фактором является неправильное толкование или непонимание религии, причем некоторые винили слабое религиозное образование или плохое понимание ислама, которые делают людей уязвимыми для неверных толкований со стороны тех, кто участвует в конфликте в Сирии и Ираке. Альтернативное видение имели пять человек (6 процентов) и участники одной фокус-группы, которые полагали, что некоторые люди уехали из-за подлинной религиозной убежденности и веры. Говоря откровенно, кыргызский мужчина, работающий на базаре в Самаре, установил прямую связь между религией и радикализацией, сказав: “Узбеки и таджики - более правильные мусульмане, по сравнению с кыргызами, и более склонны к радикализации, возможно, из-за их религиозности” (Сама 16).

Два респондента указали на неверное толкование Корана. Например, один из респондентов из Екатеринбурга сказал: “Возможно, они неверно толковали ислам. Коран говорит, что вы не можете убивать людей или вызывать насилие” (Екат 12). Другой в Иркутске сказал: “Многие люди вводятся в заблуждение частичными, избирательными цитатами из Корана, которые предполагают насилие и вознаграждение за это” (Ирку 12). Два респондента (СтПб 02 и Сама 15) специально указали на неправильное толкование джихада теми, кто уехал в Сирию. Пять респондентов (Моск 25, Кдар 09, Проч 05, Моск 26 и Ирку 14) указали на поверхностное знание ислама или слабое религиозное образование людей. Три респондента (Ирку 23, Моск 27 и Ирку 21) считают, что это вина религиозных лидеров, особенно в Кыргызстане. Три респондента (Ново 11, СтПб 09 и Ирку 14) винят вербовщиков с их ложью и манипулированием религией.

Шесть респондентов считали, что в процессе радикализации есть элемент промывания мозгов, и определенная среда делает людей уязвимыми перед людьми с силой убеждения. Два респондента (Моск 30 и Проч 5) считают, что наиболее уязвимыми в этом плане являются люди с финансовыми проблемами. Один из респондентов (Моск 26) считает, что мигранты особенно восприимчивы к фанатичным идеям, когда они чувствуют себя изолированными или одинокими, что, по их мнению, легко может произойти, когда мигранты находятся вне дома. Один этнический кыргыз, работающий в местных органах власти в Краснодаре, сделал интересное наблюдение о покорности мигрантов и их готовности подчиняться приказам, основываясь на собственном опыте работы с трудовыми мигрантами из Центральной Азии:

Например, через меня проходят 700 мигрантов каждый день, подотчетных мне. Что бы я ни велел, они слушаются. Где бы я ни говорил им стоять, они будут стоять, что бы я ни сказал, они сделают. Они не спорят. Теперь представьте, что если появится психолог или хороший оратор в их среде, этот человек залезет к ним в души и они отправятся [в Сирию и т. д.] под гипнозом. (Кдар 14)

Два респондента (СтПб 13 и Астр 14) заявили, что проблема - это “ваххабизм” - не давая точного определения того, что они подразумевают под этим. Явно о “фанатизме” также упомянули двое опрошенных (Ирку 23 и Крск 16) и участники одной фокус-группы (Крск ФГ01): они воспринимают людей, которые едут в Сирию, как тех, кто зашел “слишком далеко” в своей религии.

Чувство принадлежности и солидарности

Четыре респондента (5 процентов) считают, что люди, отправляющиеся в Сирию, имеют чувство целеустремленности и принадлежности, причем двое из них (Сама 14 и Моск 29) допускают возможность того, что люди с трудным детством или сложными семейными отношениями могут быть более склонны к поездке. Двое других предположили, что люди могут также отправиться в Сирию в знак солидарности с тем, что там происходит. Например, собеседник из Москвы сказал: “Ну, у них есть сильное убеждение, что в Сирии происходит массовое убийство мусульман, и что необходимо прекратить это кровопролитие и спасти братьев мусульман” (Моск 5). Другой в Москве отметил, что:

когда я впервые услышал, что верующие мусульмане подвергаются притеснениям и лишениям, я думал о том, чтобы отказаться от всего и поехать туда, чтобы помочь моим братьям и моим сестрам по вере ... [но его племянник] сказал мне, что в Сирии происходит братоубийственная война - где один мусульманин борется с другим мусульманином, и это не праведная война. (Моск 12)

Восприятие уязвимых групп и групп в зоне риска

Узбеки из Кыргызстана

Большая концентрация этнических узбеков в Кыргызстане, особенно на юге, создает важную динамику, которую можно проследить в записях интервью (и на самом деле прослеживается в широком общественном дискурсе вокруг радикализации центральноазиатских народов). В частности, респонденты из Кыргызстана рассказали, как это вызывает разногласия в сообществах мигрантов в России. Некоторые респонденты считают, что узбеки (из Узбекистана или Кыргызстана) относятся по-другому к этническим кыргызам, и в вопросах подразумевалось, что эти различия приводят к уязвимости к радикализации и вербовке. Когда респонденты упоминали “узбеков”, не всегда было ясно, говорят ли респонденты об этнических узбеках из Узбекистана или этнических узбеках из Кыргызстана, без каких-либо пояснений.

Четыре респондента из Кыргызстана (Хаб 3, Екат 10, Ново 6 и Кдар 2) особенно подчеркнули, что этнические узбеки из Оша держатся более обособленно и отчужденно, чем кыргызы. Например, собеседник из Хабаровска сказал: “[Ошские узбеки] хотели бы быть с нами, но они не могут. А узбеки Узбекистана не принимают их. Они сами по себе” (Хаб 3). Другой респондент, кыргызский мужчина, работающий с диаспорой в Санкт-Петербурге, сказал, что после взрыва в Санкт-Петербурге он дал интервью радиостанции Азаттык в Бишкеке. “Я сказал, что мы не знали [террориста], потому что он узбек, а узбеки не входят в нашу диаспору. Это всегда было так” (СтПб 9).

Обсуждая радикализацию, шесть респондентов высказали мнение о том, что узбеки чаще уезжают в Сирию, чем кыргызы. Например, безработный кыргызский мужчина сказал, что “слышал, что узбеки и таджики вербуются и сами вербуют. Я не слышал о кыргызгах” (Екат 11). Семь человек сказали, что узбеки из Кыргызстана, в частности, из Оша, склонны поехать воевать. В какой-то степени это продемонстрировало конфликтную линию между кыргызской и узбекской общинами. Четыре респондента (5 процентов) отметили межэтнические столкновения в Кыргызстане в 2010 году и то, как они вызвали трения между мигрантами в России. Один кыргызский мужчина, который сезонно работает в Екатеринбурге, высказал свое мнение о том, как такая напряженность может иметь отношение к радикализации: “Узбеки Кыргызстана, вероятно, соглашаются на вербовку из-за конфликта в 2010 году, потому что они злятся, хотят [отомстить] даже здесь, делая плохие вещи с кыргызскими паспортами” (Екат 15). Высказывались также опасения по поводу того, что все кыргызы будут задеты, если в беду попадет этнический узбек из Кыргызстана. Например, одна кыргызская женщина сказала:

среди кыргызов не было таких случаев. В разговоре за едой, один из моих знакомых сказал, что нас опозорили ошские узбеки, которых убедили пойти на войну или взорвать себя в России, а у них паспорта - кыргызские, поэтому в России стали не любить нас, кыргызских граждан. (Екат 12)

Очевидно, некоторые респонденты придерживались точки зрения, что кыргызы практически имеют иммунитет от таких проблем, демонстрируя чувство превосходства по отношению к другим центральноазиатским народам. Некоторые респонденты (Сама 17, Моск 32, Екат 11 и Сама 16) выразили мнение о том, что кыргызы более независимы и самостоятельны, и поэтому их труднее обмануть. Например, один кыргызский мужчина, который работает на самарском базаре, сказал, что “большинство кыргызов имеют иммунитет к “сказкам”, независимо от того, кто их рассказывает” (Сама 17). Опять же, демонстрируя отличия между кыргызами и узбеками, живущий в Москве кыргыз сказал: “Только узбеки отправляются в Сирию или Ирак. Кыргызам нет никакого дела ... Кыргызы не уважают [тех, кто едет воевать], но среди молодых узбеков они считаются своего рода героями” (Моск 32). Тем не менее, это, возможно, скорее отражает этническую предвзятость, а не что-то другое.

Семь респондентов (9 процентов) считают кыргызов менее религиозными, чем таджиков или узбеков. Опять же, здесь неясно, говорят ли респонденты о гражданах Кыргызстана узбекского этнического происхождения как об “узбеках” или “кыргызак”. Кроме того, было высказано мнение, что религия играет определенную роль в уязвимости человека к радикализации. Это было подчеркнуто кыргызским мужчиной, проживающим в Санкт-Петербурге, который, когда его спросили, почему не растет количество уезжающих в Сирию, сказал: «Кыргызы не являются религиозными фанатиками, если бы они были такими, все бы уже уехали» (СтПб 13).

Недостаток образования и русского языка

Десять человек (13 процентов) отметили, что плохое образование и/или плохое понимание русского языка добавляют трудностей трудовым мигрантам. Например, один девятнадцатилетний кыргыз узбекской этнической принадлежности, который учится в Самаре, сказал, что “когда люди приезжают [в Россию], им трудно получить работу; если человек не знает языка, то он вдвойне тяжелее” (Сама 13). Другой этнический узбек из Кыргызстана, проживающий в Самаре и зарабатывающий на жизнь переводом, сказал:

честно говоря, для тех, кто приезжает без связей и денег, приходится трудно. Это особенно сложно для тех, кто не знает русского. Они становятся жертвами полицейских проверок, их посредники часто преследуют их. Они самые беззащитные и лишенные гражданских прав. (Сама 24)

Хотя это не обязательно было мнением всех респондентов, явно упоминалась причинно-следственная связь между недостатком образования и уязвимостью. Одна из кыргызских женщин, руководящая диаспорой в Краснодаре, сказала, что “необразованные люди быстро поддаются обману. Когда вы находитесь в темноте и видите свет, вы направляетесь к нему” (Кдар 3). Мужчина-кыргыз, работающий в Новосибирске, также сказал об этом: “Мне кажется, что образованные люди туда не поедут [в Сирию], здесь так много возможностей для работы, самореализоваться. Просто нет времени и никакого интереса” (Ново 11).

Молодежь

Менее популярное мнение о том, почему люди едут воевать в Сирию, касается молодежи и

неопытности. Пять человек (6 процентов) и одна фокус-группа прокомментировали этот вопрос. Интересно, что свое мнение выразили не только респонденты старшего поколения: в числе опрошенных были 21-летняя кыргызка (Ново 7), 21-летняя узбечка (Сама 21), 35-летний кыргыз (Хаб 4), 46-летний кыргыз (СтПб 13), 47-летний узбек (Сама 14) и фокус-группа 19-30-летних кыргызских мужчин (СтПб ФГ3). Эти респонденты в основном описывали молодых людей как более уязвимых, говоря о манипуляциях с помощью социальных сетей, убеждение через финансовые стимулы или просто отсутствию собственного жизненного опыта, чтобы знать, кому и чему доверять. Один из респондентов говорил о “новой тенденции среди молодежи отращивать бороду и обращаться к исламу”, выразив мнение, что “все с бородой принадлежат к секте мусульман-ваххабитов” (СтПб 13). Как и ранее, определения “ваххабизма” не прозвучало.

Восприятие устойчивости

Внутриобщинные связи

Многие трудовые мигранты считают, что определенные аспекты их жизни в диаспоре помогли повысить сопротивляемость против радикализации или людей, сеющих разлад в их сообществах. В частности, три респондента (Ново 11, Астр 17 и Сама 24) упомянули о местах или коллективных институтах, где диаспора может собираться для обсуждения вопросов. Например, респондент в Новосибирске (Ново 11) упомянул Дом дружбы в Новосибирске; другой собеседник в Астрахани (Астр 17) назвал Конгресс узбеков в Астрахани. Одна узбечка в Самаре (Сама 24) отметила, что ее муж планирует открыть филиал Всероссийского союза узбеков и узбекистанцев в Самаре.

Два респондента (Екат 10 и Хаб 27) назвали лидеров диаспоры уважаемыми людьми, которые помогают создать сплоченность и чувство принадлежности к сообществам. Одна из них привела в пример свое сообщество: “глава диаспоры - умный молодой человек. Мы можем гордиться им, он может строить отношения с местными жителями, он работает для людей и для себя. Он не высокомерный, с ним всегда можно поговорить” (Хаб 27).

Три респондента (Моск 29, Сама 20 и Екат 11) рассказали, как люди уважают бригадиров или начальников. Один из респондентов сказал, что:

на работе мы уважаем бригадира. Он относится ко всем одинаково и справедливо и организует работу в соответствии с нашими сильными сторонами. Он постоянно учит новым вещам и как лучше делать ... Если возникают конфликтные ситуации, то мастер немедленно разрешает все в большинстве рабочих моментов. (Сама 20)

Четверо респондентов (Хаб 03, Кдар 15, Проч 5 и Сама 25) и одна фокус-группа (СтПб ФГ2) отметили, как сообщество диаспоры часто объединяется, чтобы обеспечить взаимную поддержку, даже если это проводится просто в виде социальной активности. Например, участники фокус-групп отметили, что “каждые два месяца мы собираемся кыргызами, чтобы поиграть в футбол и приготовить плов” (СтПб ФГ2). Респондент из Хабаровска отметил, что сообщество может коллективно контролировать и дисциплинировать; он сказал, что нет случаев вербовки, потому что “мы продолжаем жестко контролировать ситуацию ... В 2010 году мы сказали всем, что если у вас есть какие-то проблемы, то в течение трех дней мы вышвырнем нарушителя спокойствия ... вызовем ФСБ” (Хаб 3). С другой стороны, три респондента (кыргызка Астр 14, кыргыз Астр 15 и кыргыз Сама 20), как представляется, подчеркивали независимость трудовых мигрантов из Кыргызстана, заявляя, что большинство людей

стоят за себя сами. Однако они также признали, что сообщество диаспоры может собраться вместе в качестве группы поддержки, если это необходимо.

Религия

Одиннадцать респондентов (14 процентов) и две фокус-группы упомянули о роли, которую ислам мог бы сыграть в укреплении устойчивости к радикализации. Семь из них либо упомянули услышанное в мечетях о том, что имамы выступают против радикализации, либо считают, что это хорошая идея, чтобы мечети помогли бороться с радикализацией. Например, собеседник в Санкт-Петербурге отметил, что:

многое зависит от имамов, имам должен быть очень образованным ... Я пошел в мечеть [в Иркутске, построенную кыргызами] - там имам молодой человек, без бороды. Но очень образованный ... Он дает правильные советы и рекомендации, на мой взгляд. (СтПб 13)

Респондент из Иркутска более четко обозначил роль, которую должны играть мечети, заявив, что “в мечетях необходимо провести разъяснительную работу” (Ирку 22). В фокус-группе один из участников высказал мнение, что “вербовщики” ищут людей с большими долгами или тех, кто не ходит в мечеть. Они идут к таким людям. И они не могут прийти к тем, кто молится, читает и постоянно посещает мечеть” (СтПб ФГ2).

Три респондента (Екат 10, Ирку 14 и Ново 9) отметили разъяснительную работу высокопоставленных религиозных лидеров и религиозных ученых. Например, респондент из Иркутска (Ирку 14) сообщил, что бывший муфтий (и исламский юрист) и ректор исламского университета провели семинары по особенностям кыргызского и более широкого центральноазиатского ислама. Один из респондентов (Екат 11) и две фокус-группы (СтПб ФГ2, СтПб ФГ3) подчеркнули важность религиозной литературы для удержания людей на правильном пути. Например, респондент из Санкт-Петербурга отметил:

Нужно читать правильные книги, которые публикуются строго муфтием. Некоторые получают это знание, передают его тем, кого они встречают, читают, а затем думают, что ислам таков ... и мысли обращаются к другой стороне. (Респондент в СтПб ФГ3)

Власти

Одиннадцать респондентов (14 процентов) видят в российских властях причину того, что еще больше выходцев из Центральной Азии не обратились к радикальному исламу. Власти не всегда воспринимаются в позитивном свете, но тем не менее все еще считаются фактором сдерживания. Например, четыре респондента (Астр 13, Астр 15, Астр 14 и Екат 13) упомянули о слежке со стороны ФСБ. Участник в Астрахани объяснил: “Мы не смотрим [видео о конфликте]. ФСБ работает здесь четко, но нам не нужно смотреть такие видео” (Астр 14). Остальные семь респондентов из одиннадцати отметили свои контакты с местной полицией и давление, которое они могут оказать на мигрантов, чтобы удержать их от радикальной деятельности. Один из респондентов, кыргызский врач, имел довольно позитивное отношение к взаимодействию с властями, заявив:

нас приглашают на все заседания, касающиеся мигрантов, которые проводятся с правоохранительными органами и местной администрацией. Там они сразу же озвучивают все существующие проблемы. Иногда нас просят каким-то образом контролировать или влиять, и мы рассказываем им о проблемах, с которыми сталкиваются наши мигранты; какая помощь нужна со стороны местной администрации. (Ирку 14)

Еще один респондент не возражал, когда российские правоохранительные органы, по его мнению, превышают свои юридические полномочия: этнический узбек, работающий на стройке, заметил, что: “[Российские правоохранительные органы] действуют жестко и решительно, часто без надлежащего судебного разбирательства. Их цель - уничтожить явление на корню ... Думаю, в какой-то степени я даже поддерживаю такой подход” (Моск 24). Переводчик документов узбекской этнической принадлежности отметила взаимодействие различных государственных институтов, заявив, что “большинство мигрантов в Самаре очень далеки от радикальных идей ... здесь есть адекватный контроль над мигрантами - ФСБ, прокуратура, ФМС ..., чтобы предотвратить негативные события” (Сама 24). Поэтому, как правило, работа властей рассматривается как способ держать под контролем тех, кто может быть искушен радикальным поведением.

Экономические факторы

Восемь респондентов (10 процентов) дали ясно понять, что положительные экономические факторы - трудоустройство и заработок - работают против радикализации. (Однако, учитывая число тех, считает деньги стимулом для выезда в Сирию, вполне вероятно, что больше респондентов могли поддержать это мнение о влиянии положительных экономических факторов, если бы их спросили напрямую.) Такая точка зрения была выражена главным образом в ответ на вопрос о том, почему еще больше мигрантов из Центральной Азии не выезжают на войну в Сирию. Например, респондент из Астрахани сказал: “Порядочным людям там нечего делать. Там могут предложить деньги, но вы можете зарабатывать их здесь. Мы много работаем и зарабатываем. Мы купили дом и машину. Наши дети обеспечены. Здесь можно работать” (Астр 15).

Семья

Несмотря на то, что некоторые центральноазиатские граждане выехали в Сирию семьями, в целом семья рассматривается как важный фактор устойчивости для мигрантов. Четыре респондента (Екат 15, Екат 13, Сама 17 и Моск 26) видели семью в качестве сдерживающего фактора: для них это была весомая причина остаться и заработать деньги в России. Например, собеседник из Екатеринбурга объяснил: “Почему я должен туда ехать? У меня есть жена, дети - все в порядке. Вы можете зарабатывать здесь и не рискуете своей жизнью” (Екат 13) - интересно, что цитата еще раз подчеркивает ощущаемую важность денег для выехавших в Сирию и Ирак. Одна из молодых узбечек привела конкретный пример того, как они знали, был сочувствующим экстремистскому делу в Сирии, но вовремя был удержан семьей:

[ее друг] всегда говорил о конфликте в Сирии и оправдывал тех, кто поехал туда на войну ... мы часто спорили... Теперь она другая. Она говорит мне, что ошибалась насчет войны в Сирии ... она поменяла свое мнение из-за обстоятельств в ее семье. У нее был дядя, который рассказал ей и ее сестре, для чего эти женщины отправляются в Сирию - они становятся террористами-смертниками. (Сама 21)

Семь респондентов (9 процентов) и одна фокус-группа (Крск ФГ1) отметили ценность старейшин, называемых *аксакалы* - людей, которых уважают в диаспорах. Большинство указало также, что старейшины - это те, которые либо поддерживают, либо им подчиняются. 45-летний этнический узбек из Оша особо подчеркнул это:

да, есть пожилые люди, которые сдерживают молодых. Я сам, например, тоже работаю в этом направлении. Когда я слышу разговоры, что нужно ехать в Сирию для поддержки мусульман, я осаживаю таких людей, убеждая их, что никто не выиграет от этой войны и что это будет братоубийственная война. (Моск 12)

III. Трудовые мигранты из Таджикистана

Надин Л Салман

ДАННАЯ ГЛАВА разделена на пять частей в соответствии с методологией анализа, которая используется для обработки данных. Эти части включают: восприятие структурной мотивации; восприятие способствующих факторов; восприятие индивидуальных стимулов; восприятие уязвимых групп населения и групп в зоне риска; и восприятие устойчивости. Главная цель этой методологии - анализ движущих сил радикализации с учетом важности контекста, а также охват максимально широкого диапазона взаимосвязанных факторов.

Восприятие структурной мотивации

Опыт миграции и проблемы с законом

При обсуждении факторов, которые могут сделать некоторых мигрантов более уязвимыми для радикализации, многие респонденты из Таджикистана назвали трудности с миграционным процессом и экономические проблемы. Эти факторы могут способствовать уязвимости и появлению чувства отчаяния среди мигрантов. В частности, двенадцать опрошенных (18 процентов) отметили трудности с регистрацией документов и высокую стоимость трудового патента как важные вопросы, затрагивающие мигрантов из Центральной Азии в России. Из них четверо прямо связали трудности с уязвимостью, отчаянием и попаданием в зону внимания вербовщиков. Например, лидер диаспоры и бизнесмен, проживающий в Новосибирске, говоря о двух случаях в своей общине, сказал, что, “в основном, вербовщики ориентированы на тех, кто по приезду в Россию испытывает трудности с поиском работы, регистрацией, а также сталкивается с материальными и моральными трудностями” (Ново 12).

Как отмечают еще пять респондентов (8 процентов), мигранты также сталкиваются с преследованиями со стороны властей за проблемы с легализацией и документами, которые, хоть и явно не связаны с радикализацией, могут способствовать отчаянию и создать условия, в которых может произойти радикализация. Например, незарегистрированный мужчина-строитель из Кыргызстана, проживающий в настоящее время в Краснодаре, предупредил:

Если у вас нет документов, полиция поймает вас, и они будут взимать деньги. Если вы не говорите по-русски, тогда они могут даже забрать ваши документы ... если все документы в порядке, то все хорошо. Но если у вас нет документов, вы будете постоянно прятаться от полиции. (Кдар 12)

Действительно, одиннадцать респондентов (17 процентов) упомянули о дискриминации как со стороны властей, так и со стороны общества. Таджикская женщина, работающая в русскоязычном оценочном центре в Краснодаре, подчеркнула: “В России, если вы мусульманин, то в вас видят потенциальную угрозу” (Кдар 10). Опять-таки, хотя эти структурные аспекты не связаны явно с радикализацией, они могут еще больше отчуждать и повышать уязвимость мигрантов.

Экономические факторы

Помимо трудностей с процессом регистрации, высокая стоимость процесса может стать причиной значительной задолженности мигрантов. Восемь опрошенных (12 процентов) провели связь между отчаянием из-за растущей задолженности, бедностью и экономическими трудностями и присоединением к экстремистским группам. Как предположил мужчина, работающий помощником по административным вопросам в Самаре: “Представьте себе молодого мигранта, который приехал искать работу и не смог найти, у него нет денег, но он должен заплатить за патент, проживание, питание и т.д. Они предлагают ему много денег за выезд в Сирию или Ирак. Он вынужден согласиться на эти условия из-за отчаяния” (Сама 1).

Соглашаясь с этим, мужчина, работающий нелегально грузчиком в Самаре, сказал, что стоимость регистрации может быть важным фактором: “Я думаю, что некоторые из наших людей не могут позволить себе [стоимость] и вынуждены согласиться с предложениями [вербовщиков], которые дают им деньги и оплачивают дорогу” (Сама 2).

Однако стоимость документов может составлять лишь часть экономических проблем мигрантов. По словам пятерых респондентов (8 процентов), ухудшение экономических условий и санкции, по словам главы строительной компании в Астрахани, “сильно повлияли на положение мигрантов” (Астр 3). В результате, как сказал таджикский продавец из Астрахани, “в последние годы в Астрахани по очевидным причинам [из-за санкций] стало меньше возможностей для работы и все больше трудовых мигрантов” (Астр 1). Недостаток рабочих мест может еще больше усилить отчаяние мигрантов, что может усугубить предполагаемую взаимосвязь между финансовыми трудностями и экстремистской вербовкой.

Восприятие способствующих факторов

Интернет

Треть опрошенных заявила, что интернет является ключевым фактором при вербовке, а также самым обычным пространством для распространения радикализации. Широкое использование устройств с поддержкой интернета и облегченный доступ к нему могут сделать его удобным инструментом для вербовщиков при передаче экстремистских сообщений. По словам мужчины, работающего в представительстве Министерства миграции в Иркутске, «интернет повсюду. Это источник любой информации, которую вы хотите получить» (Ирку 1). Роль интернета в вербовке ясно описал один из респондентов, рассказывая про опыт своего брата (см. Примечание 7).

Примечание 7: Знания о вербовке

Водитель автобуса, проживающий в Москве, рассказал о том, как его брат радикализировался через интернет:

В интернете полно радикальных исламских проповедей и призывов к джихаду. Я лично не понимаю, как это могло заинтересовать моего брата. Он уехал в Сирию в 2015 году (в возрасте 23 лет).

Он весь день сидел дома в Интернете, так он был завербован в Сирию. Я думаю, что он был завербован через социальные сети ... Он проводил много времени онлайн на своем телефоне. Оказывается, он присоединился к экстремистской группе в интернете. Я не знаю, что они сказали ему.

Теперь каждую неделю на работе я просматриваю телефоны моих сотрудников и запрещаю им ехать в город без веских оснований. Я приглашаю людей, которые читают лекции о предотвращении радикализации, и родители мигрантов также приветствуют эту инициативу. (Моск 7)

Кроме того, два респондента также упоминали о предполагаемой необходимости защитить молодежь от онлайн просмотра видеороликов насилия от ИГИЛ. Переводчица из Екатеринбурга сказала: “Я и мои друзья смотрим видео об этих конфликтах, чтобы понять, что там происходит. Но мы не позволяем нашим детям просматривать их” (Екат 1).

Диаспора

Однако многие респонденты признали, что вербовка не осуществляется исключительно в интернете. Тринадцать опрошенных (20 процентов) считают, что радикализация и вербовка проходят и в общинах, в том числе на рынках, рабочих местах и домах мигрантов. О двух таких случаях рассказал один из опрошенных (см. Примечание 8).

Примечание 8: Знания о вербовке

Бизнесмен и неформальный лидер общины Исфары в Новосибирске описывает два случая вербовки в своем сообществе:

Три года назад наш соотечественник, который работал здесь нелегально, отправился в Сирию вместе со своей семьей. Но, увидев там ужасную реальность, он каким-то чудом смог убежать в Афганистан. Из Афганистана вернулся домой ... Наш земляк, должно быть, был завербован на базаре, где он работал. Но он не хочет говорить об этом ... [Он] сказал, что из России он отправился в Турцию, а оттуда в Сирию.

Месяц назад мужчина вернулся из Москвы в Новосибирск, где он работал перед переездом в Москву ... Человек, с которым он жил в Москве, пытался завербовать его в Сирию. Видя, что

происходит, он лгал вербовщику и бежал обратно в Новосибирск и доложил об этом нашему консулу, прося защиты от вербовщика. Он [консул] посоветовал немедленно сменить свою SIM-карту и не отвечать на телефонные звонки. (Ново 12)

Мечети

В меньшей степени семь опрошенных (10 процентов) предположили, что радикализация может происходить в мечетях. Однако они утверждали, что таких мечетей немного и что они туда не ходят. Например, узбек из Таджикистана, работающий руководителем миграционного центра в Астрахани, сказал: “Некоторые мечети, по-видимому, управляются такими людьми и могут стать базой для вербовки. Но в целом нет” (Астр 4).

Действительно, другие опрошенные выразили уверенность в том, что мечети не являются местами вербовки, в то время как радикализация происходит в неофициальных молитвенных домах. Это было подчеркнуто таджикским мужчиной, который работает хирургом и является лидером общины бадахшанских мигрантов в Хабаровске, в его общине был некоторый опыт радикализации: “Официальные религиозные лидеры и мечети не имеют ничего общего с радикализмом, но в неформальных молитвенных домах и на рынках можно встретить людей, призывающих к радикализму и нетерпимости” (Хаб 05).

Салафиты/ваххабиты

Десять опрошенных (15 процентов) конкретно обвинили “салафитов” или “ваххабитов” в экстремистской вербовке. Защитник прав человека в Новосибирске слышал о вербовке в своей общине: “В принципе, [религия] не должна быть [фактором]. Но на самом деле, как мы знаем, есть группы салафитов и хизб-ут-тахрировцев”³⁶. Именно их мечети и центры распространяют экстремистские идеи” (Ново 5). Однако, несмотря на эти обвинения, респонденты, похоже, не понимали различий между салафизмом, ваххабизмом, такими группами, как Хизб-ут-Тахрир (ненасильственная организация и движение) и насильственным экстремизмом, часто используя термины в качестве синонимов. На самом же деле, вопреки мнению респондентов и общественным стереотипам, в целом нет простой связи между салафизмом и насильственным экстремизмом³⁷.

Другие таджики

Пять респондентов, которые ранее предположили, что вербовка происходит в их общинах, также

³⁶ Хизб ут-Тахрир (Партия освобождения) - международная панисламистская политическая организация. Она была основана в 1953 году как суннитская мусульманская организация в Иерусалиме Такиуддином аль-Набхани. С тех пор Хизб ут-Тахрир распространилась на более чем 50 стран. Ее целью является воссоздание Исламского халифата или Исламского государства. Новый халифат должен объединить мусульманское сообщество (Умма) в рамках унитарного сверхгосударства объединенных стран с мусульманским большинством. Предполагаемое государство будет функционировать на основе исламского шариата. Несмотря на то, что это ненасильственная организация, Хизб ут-Тахрир запрещен во многих странах.

³⁷ Квинтан Викторovich, Анатолия салафитского движения”, Исследования в области конфликтов и терроризма (выпуск 29, № 3, 2006), стр. 207 -39.

конкретно упомянули участие других таджиков. Один из таких примеров привел мужчина, работающий в представительстве Министерства миграции в Иркутске: “Проповеди салафитов настраивают группы друг против друга, и даже таджики проповедуют салафизм в общине” (Ирку 1).

Однако мужчина-таджик, работающий в администрации района Астрахани, утверждал, что это, в основном, проблема среди узбекских и кыргызских общин: “У нас [таджиков] не было никаких инцидентов. Но у кыргызских и узбекских мигрантов есть. Это было два или три года назад ... [и в любом случае мигранты] не радикализованы в России ... Узбеки Кыргызстана (особенно из Оша) и таджики из Шартузского, Кабадийского и Исфаринского районов Таджикистана [радикализируются в Центральной Азии]” (Астр 2). Опять же, это может быть скорее отражением этнической предвзятости, чем действительности в среде мигрантов в России.

Кавказцы

Четверо респондентов, в частности, говорили о кавказских вербовщиках, особенно чеченцах и дагестанцах, как вызывающих у них особое беспокойство. Например, глава строительной компании в Астрахани упомянул случаи в своей общине: “Было два-три случая. Молодые люди без денег и без работы или средств к существованию подпадают под влияние дагестанцев, чеченцев или салафитов и отправляются в Сирию и Ирак ... Говорят, что эти вербовщики с Северного Кавказа” (Астр 3). Тем не менее, респонденты в целом не могли четко описать вербовщиков; скорее, их представление о роли вербовщиков сформировалось, по-видимому, на основе слухов. Это также отражает более широкие нарративы о радикализации в русскоязычном мире.

Восприятие индивидуальных стимулов

Деньги

Хотя отсутствие возможностей для работы, растущий долг и бедность могут подтолкнуть некоторых мигрантов к вступлению в экстремистские группы из отчаяния, другие, которые находятся в лучшей ситуации, могут быть привлечены обещанием денежного вознаграждения. Действительно, большинство опрошенных (более двух третей), восемь из которых имели знание о вербовке из первых рук, считали, что деньги являются важным стимулом для присоединения к экстремистским группам. Действительно, как сказал нелегальный мигрант, работающий грузчиком в Самаре, “их привлекают прежде всего деньги. Больше, чем они когда-либо видели. Все остальные называемые причины - миф” (Сама 2).

Более того, семь опрошенных (10 процентов) предположили, что люди присоединились к экстремистским группам, потому что они не хотят работать или хотят “легких” денег. Мужчина, работающий продавцом в Самаре, объяснил: “Каждый приезжает сюда, чтобы заработать деньги. Но некоторые люди хотят денег без особых усилий. Это, должно быть те, кто соглашается ехать за легкими деньгами” (Сама 4). Треть тех, кто выделил деньги в качестве стимула, считает, что деньги особенно заманчивы для молодых и необразованных мигрантов.

Религия

Аналогичным образом, треть опрошенных, шесть из которых знали о вербовке из первых рук, считали, что религиозный фанатизм и подлинная вера в “халифат” являются важными стимулами для тех, кто присоединяется к экстремистским группам. Об этом свидетельствует заявление осужденного за преступления терроризма, приведенное в Примечании 9. Тем не менее, стоит отметить, что, хотя этот респондент пытался дать религиозное обоснование после факта присоединения к ИГИЛ, он, возможно, был мотивирован в то время другими причинами.

Примечание 9: Знание о вербовке

Заклученный мужского пола в Москве, осужденный за терроризм, распространение экстремистской пропаганды и поддержку ИГИЛ:

Меня обвинили в распространении экстремистских идей в Интернете. В Таджикистане я получал информацию и проповеди, и иногда распространял их через Интернет. Но ведь это были истинные слова великих исламских ученых Ибн Таймийя³⁸ и Шейха Аль-Альбани³⁹. Здесь я также распространял такие материалы среди таджикских мигрантов с помощью интернета.

Многие люди говорят, что мигранты присоединяются к ИГИЛ за деньги. Это неправда. Люди отправляются туда [в Сирию] за свою веру. Деньги - это просто средство, используемое для достижения наших целей.

В Ираке и Сирии идет война за создание исламского халифата, как предсказал Пророк. Это духовная преданность исламу. И джихад продлится до дня суда ... Те, кто сегодня сражаются в Сирии против неверного государства, уже выполнили свою миссию перед Богом. Они уже шахиды [мученики] и отправятся в рай.

Они еще не понимают, что нужно бороться за религию. Если они этого не хотят, Аллах оставит их. Многие еще не решили, что им нужно в будущем. Но с помощью проповедей мы приносим им истинную религию.

Мечети и религиозные лидеры слишком нерешительны и защищают интересы неверных. (Моск 6)

Среди тех, кто подчеркнул роль религиозного фанатизма, четверо (6 процентов) рассказали, что те, кто присоединяется к силовым экстремистским группам, считают себя “спасителями ислама”. Такое мнение высказал мужчина, работающий в Хабаровске продавцом на рынке: “Я думаю, что парни попадают под это влияние из-за обещания больших денег. Но также есть парни, которые являются фанатиками и считают, что своим участием они спасают ислам” (Хаб 1).

³⁸ Средневековый суннитский теолог (1263 -1328) и член исламской школы права Ханбали, Ибн Таймийя, является спорным ученым, чьи интерпретации Корана и Сунны и его отказ от некоторых аспектов классической исламской традиции, как полагают, имели значительное влияние на современный ваххабизм, салафизм и джихадизм.

³⁹ Ведущий исламский ученый-салафит (1914-1999), Албани был албанцем, который преподавал в Саудовской Аравии, но приобрел широкую известность в Сирии и провел свои более поздние годы в Иордании. У Албани были спорные взгляды на исламское право и вопросы ислама.

Несколько респондентов подтвердили эту точку зрения. Когда их спросили об их видении конфликта в Сирии и Ираке, двенадцать (19 процентов) утверждали, что эти страны и мусульмане в этих странах являются “жертвами”, в частности, иностранного вмешательства. Респондент из Санкт-Петербурга отметил: “Мы все согласны, что это война против мусульман. У США свои интересы, у Саудовской Аравии - свои, у Ирана - свои, у России - свои, но самой сложной является позиция сирийцев” (СтПб 6). Это чувство обиды может использоваться вербовщиками и стимулировать тех, кто присоединяется к экстремистским группам.

Тринадцать опрошенных (20 процентов) утверждали, исходя из своих собственных представлений, что насильственные экстремисты, не будучи религиозными фанатиками, используют религию в качестве прикрытия; и что вербовщики, а также политики злоупотребляют им, чтобы оправдать насилие. Например, продавец на рынке в Хабаровске утверждал, что “ИГИЛ прикрывает свои бесчеловечные действия исламскими проповедями, но то, что они делают в Сирии и Ираке, совершенно чуждо исламу” (Хаб 7).

Кроме того, четверть опрошенных полагали, что религия вообще не связана с насильственным экстремизмом, в то время как двое утверждали, что мигранты из других стран Центральной Азии более восприимчивы из-за слабого понимания религии. По словам мужчины-строителя из Таджикистана, проживающего в настоящее время в Краснодаре:

Узбеки не так религиозны. Люди, которые знают религию и следуют ей, никогда не будут сражаться, потому что они знают, что это грех перед Богом. Те, кто сражаются, это те, кто не понимает и думает, что весь остальной мир обратится в ислам. (Кдар 12)

Тем не менее, еще один респондент, таджикский предприниматель из Иркутска сказал: “Мне кажется, что под это [вербовку по религиозным мотивам] больше подпадают наши соотечественники из Кыргызстана, поскольку в Узбекистане и Таджикистане люди более грамотны в вопросах религии” (Ирку 18).

Эти противоречивые заявления от респондентов из разных этнических групп подчеркивают субъективность и предвзятость в мигрантских убеждениях относительно насильственного экстремизма в их сообществах, а также их предрассудки в отношении людей другой этнической принадлежности.

Осознание смысла

У респондента, слова которого приводятся в Примечании 10, обладал знанием о вербовке из первых рук. Он рассказывает историю своего сына, присоединившегося к ИГИЛ. В отличие от доминирующей версии о стимулах в виде денег и религиозных убеждений, выделенных выше, этот респондент утверждает, что его сын был в хорошем финансовом положении и что он также не интересовался религией. Он объясняет мотивацию своего сына с точки зрения поиска “душевного спокойствия”. Неясно, что подразумевается под этим термином или чем он отличается от того, что ищут другие религиозные люди. Однако здесь подразумевается, что его сын искал смысл жизни через религиозный опыт.

Примечание 10: Знание о вербовке

Мужчина, работающий водителем в Москве, объясняет, как его сын присоединился к ИГИЛ после переезда в Россию:

когда он приехал сюда, у него не было никаких трудностей. У него была арендованная квартира, устроился на работу, записался в спортзал. Там он тренировался с дагестанцами и чеченцами. Из Центральной Азии там были узбеки, кыргызы, казахи. Я никогда не замечал никаких изменений в нем, все было как обычно, он никогда не повышал голос. Все родственники и члены общины уважали его. Кто и как завербовал его, я не знаю. Как он туда попал, я не знаю. Через пять дней я узнал, что он ушел. Я спросил своих друзей, тех, кто знал его, тренировался с ним, но все они сказали, что ничего не знают. Когда я второй раз зашел в спортзал, никого не было. Никто не хотел ничего говорить.

О моем сыне, если бы я сказал, что деньги были фактором, это было бы неверно ... Что касается религиозных идей, такие вещи никогда его не интересовали. Те, кто легче всего попадают в сети вербовщиков, - это те, кто ищет какой-то духовный смысл. (Моск 8)

Восприятие уязвимых групп и групп в зоне риска

Образование

Для респондентов универсальным фактором, повышающим уязвимость, является недостаток образования - религиозного или иного. Почти треть опрошенных конкретно выделили в качестве проблемы религиозное невежество или недостаток образования в целом. Женщина, работающая в Хабаровске дворником, высказала такую точку зрения: “Как кто-нибудь может поверить незнакомым людям? Потому что большинство из них образованы и понимают эти проблемы. Те, кто необразован, становятся жертвами вербовщиков” (Хаб 11). Один из респондентов, который работает строителем в Москве, утверждал, что улучшение образования может предотвратить насильственный экстремизм: “Нам необходимо повышать уровень знаний граждан, в том числе трудовых мигрантов. Образованный человек никогда не присоединится к экстремистской группе” (Моск 14).

Молодежь

Треть опрошенных считает, что молодые люди наиболее склонны к участию в экстремизме. Однако не все респонденты согласились с причинами этого явления. Пятнадцать опрошенных (23 процента) заявили, что молодые люди, скорее всего, будут привлечены денежными вознаграждениями - либо по причине того, что они испытывают финансовые трудности, либо потому, что их соблазняют “легкие” деньги. Девять респондентов отметили специфические характеристики, связанные с молодежью, а именно: отсутствие опыта, наивность и непослушание перед старшими. По словам 47-летней женщины, возглавляющей НПО в Иркутске, которая лично не сталкивалась с вербовкой:

Молодые люди неопытны и быстро верят, когда им говорят о религии. Под предлогом религии, их заинтересовывают, а затем убеждают обещаниями больших денег. Деньги в итоге получают другие люди, а необразованные молодые ребята умирают. (Ирку 2)

Аналогичным образом, 55-летний мужчина, работающий в районной администрации в Астрахани, уверенно утверждал, что некоторые молодые люди присоединились “потому, что они оказались в ловушке и не видят выхода из-за своего невежества и глупости” (Астр 2). Такие характеристики дополнительно подчеркиваются в случае, приведенном в Примечании 11.

Примечание 11: Знание о вербовке

Бригадир-уборщик, живущий в Санкт-Петербурге, описывает, как один молодой работник был радикализирован:

Так что этот парень из Хатлона - наш единственный случай. Он ленился. Он не работал на совесть, обзывал девушек во дворе, издевался над ними. Затем он начал общаться с кем-то из своих соотечественников из Кургантепа. Иногда не приходил на работу. Затем он внезапно изменился и стал тихим. Он начал учить нас, говоря, что даже [местный религиозный лидер] молится неправильно, что он неверно говорит об исламе и истории. Он был всем недоволен. Это молодые дураки, которые начали войну. Поэтому он исчез, даже не появился, чтобы получить свою последнюю зарплату.

Он был порядочным парнем; он все послушно принимал и не спорил. Затем он превратился в сумасшедшего или больного человека ... Мы говорили ему, но что с этого. Затем меня назначили бригадиром. Он в основном смотрел на нас невидящим взглядом. Затем он тихо собрал свои вещи и ушел. Его никто не выгонял. Мы только предупредили его. И он исчез. Затем все эти люди пришли и задавали вопросы. Я не помню, [ему было] 20-21. Он был молод, но он отрастил бороду как ваххабит. Ну, что с ним сейчас? Вероятно, они убили его. Они показывают их по телевизору - они умирают пачками.

Это очевидно. Говорят, что легче всего привлекать молодых людей, а также тех, кто остался без денег и без родственников или друзей. (СтПб 5)

Социальная изоляция

Три респондента, которые сталкивались с вербовкой, заявили, что изолированные люди более уязвимы для вербовки (см. Примечание 11). По словам одного личного водителя, проживающего в Москве, чей сын был завербован: “Когда человек завербован, он никому об этом не говорит. Известно, что вербовщики изолируют [своих новобранцев] от общества. Именно этот барьер/изоляция мешает жертвам обратиться за помощью к семьям и друзьям” (Моск 08). Похожий рассказ приведен в Примечании 12.

Примечание 12: Знание о вербовке.

Мужчина, начальник отдела торгового центра в Москве рассказывает о том, как его зять выехал в Сирию:

В 2012 году я пригласил брата моей жены поработать здесь, ему тогда было 22 года. Нашел ему работу, чтобы он мог поддерживать семью. Он оставил жену и ребенка дома. В 2014 году, никому не сказав ни слова, он выехал в Сирию. Там идет война, и они становятся жертвами этой войны ... теперь я смотрю все новости о Сирии и Ираке ... Среди этих бойцов, убивающих женщин и детей, брат моей жены ... Никогда бы не подумал, что член моей семьи станет частью сирийской войны. Наверное, я чего-то не заметил и упустил в поведении человека ... Мы работаем с 6 утра до 11 вечера, где он нашел для этого время!

Я полагаю, что работа вербовщиков заключается не только в том, чтобы завербовать человека, но и, в случае успеха, также организовать его выезд в Сирию через Турцию. Он написал из Турции своему двоюродному брату, который работал с ним, что он едет в Сирию, и попросил не искать его. Когда мы сообщили полиции, они показали нам билет на его имя в Турцию.

Последний раз мы получали от него весточку в августе 2015 года. После этого другие нам дважды сообщали, что у него все в порядке ... Проблема в том, что завербованные никому об этом не рассказывают. Возможно, они договариваются с вербовщиками о том, что они никому не расскажут или, может быть, им угрожают, если они расскажут. После вербовки они не доверяют никому, кроме вербовщиков.

Я не знаю, когда и как он был завербован ... У него не было никаких финансовых проблем, была нормальная работа, на жизнь хватало. Молодой, только что женился ... Я думаю, что он был завербован по религиозным соображениям.

Мечеть и традиционные религиозные лидеры являются единственной реальной силой против радикализма ... Но их власть также ограничена, так как некоторые люди присоединяются к салафитам и другим радикальным течениям. Вотчина радикализма - это интернет, и их влияние там очень сильное.

Я думаю, что если человек попал в сети вербовщиков, он не может уже освободиться ... Вербовщики изолируют человека от других и создают виртуальный мир, что очень удобно для дальнейшего найма ... Люди, которые становятся жертвами, это те, кто не смог найти себя в обществе и искал другой мир. (Моск 11)

Восприятие устойчивости

Поддержка сообщества

Наряду с факторами риска большинство респондентов также упомянули способы, с помощью которых члены их сообществ остаются устойчивыми. Двенадцать респондентов (19 процентов) отметили роль лидеров диаспоры не только в плане предотвращения радикализации, но и в целом по оказанию

помощи и решению проблем в сообществе, в котором они пользуются большим уважением. Это было подчеркнуто лидером общины, проживающим в Иркутске: “Я помогаю всем, кто приходит ко мне, поскольку они выбрали меня лидером сообщества. Я никому не разрешаю сеять раздоры ... Лидеры общин вместе с образованными людьми борются с радикализацией” (Ирку 03).

Как было отмечено, один из способов, которым лидеры диаспоры помогают предотвратить радикализацию, заключается в разрешении споров в общине. Другие респонденты также упомянули о роли лидеров общин в проведении семинаров, обучении членов сообщества и сотрудничестве с властями.

Почти треть респондентов рассказала о том, как рядовые члены сообщества помогают друг другу преодолевать различные проблемы, в том числе радикализацию. Опять же, это часто означает разрешение споров, обучение других членов сообщества и взаимный контроль. Например, хирург и лидер общины в Хабаровске считает, что “организованные диаспоры и общины могут защитить себя от таких недугов ... образованные ребята среди мигрантов активно работают над предотвращением радикализма и экстремизма среди молодежи” (Хаб 05).

Треть опрошенных также упомянула о роли религиозных лидеров (в том числе мулл и муфтиев - хорошо образованных и уважаемых в религиозных вопросах) и мечетей в активном предотвращении радикализации, в частности путем обеспечения религиозного и морального наставничества и образования. Например, тренер по борьбе, проживающий в Новосибирске, рассказал о случае, когда муфтий помешал вербовке члена общины: “По словам нашего муфтия, в 2016 году один из участников мечетей, узбек, сказал ему, что его два сына хотят выехать в Сирию. И что он встретился с этими молодыми людьми и в течение нескольких бесед объяснил, что там происходит. Таким образом, выезд отменился” (Ново 13).

Религия

Помимо роли религиозных лидеров и мечетей в предотвращении радикализации, четверть опрошенных отметили, что последовательное обучение религии может стать защитным фактором через осуждение применения насилия. Например, русская женщина, инспектор из Краснодара заявила: “Истинная религия и подлинная вера в Бога - вот что помогает мне отвергать насилие” (Кдар 10). Однако, как отмечалось ранее, некоторые респонденты считают, что недостаток религиозных знаний может сделать некоторых более восприимчивыми к радикализации, в то время как третьи ставят под сомнение значимость религии вообще.

Семья

Четверть опрошенных также утверждала, что чувство ответственности перед семьей является основной причиной того, что большинство мигрантов не присоединяются к насильственным экстремистским группам. Это, в частности, финансовая ответственность, моральная ответственность, или просто другие приоритеты, которые занимают большую часть своего времени. По мнению переводчика, живущего в Екатеринбурге, мигранты не присоединяются к насильственным экстремистским группам, “потому что они приехали в Россию для обеспечения своей семьи. И ради этого они готовы терпеть множество трудностей, с которыми они сталкиваются на каждом шагу” (Екат 1).

Экономические перспективы

Тринадцать респондентов также упоминали о позитивных аспектах миграции в Россию, а именно о новых возможностях трудоустройства, повышении заработной платы и улучшении качества жизни по сравнению с Таджикистаном. Не все это, разумеется, упоминалось в контексте предотвращения радикализации. Мигранты, у которых был этот положительный опыт и стабильность, могут быть менее восприимчивыми к вербовке, как считает помощник начальника рынка в Самаре: “Они хотят найти хорошую работу и хорошо зарабатывать. Они не могут отправиться в Сирию или Ирак” (Сама 3). Однако, наоборот, отсутствие экономических перспектив, особенно из-за трудностей с легализацией статуса, может сделать мигрантов более уязвимыми. Точно так же неспособность экономически обеспечить членов семьи на родине также может оставить людей уязвимыми для экстремистской пропаганды.

Положительная роль властей

Одиннадцать респондентов упомянули о позитивной роли, которую могут сыграть таджикские власти, в том числе в предотвращении радикализации - как именно, пояснено не было. Четверо, в частности, выделили роль таджикского консульства, как, например, бизнесмен в Новосибирске: “Лидеры диаспоры, авторитетные люди в обществе и сотрудники таджикского консульства в Новосибирске [противодействуют радикализации] (Ново 4). Кроме того, восемь респондентов считают, что диаспора должна больше сотрудничать с властями в борьбе с насильственным экстремизмом. Лидер диаспоры в Новосибирске объяснил: “Только благодаря совместным усилиям диаспор, правительства и государственных структур Российской Федерации мы можем противостоять насилию и экстремизму” (Ново 03).

Образование и осведомленность

Четверть опрошенных указала, что образование и понимание ситуации в Сирии и Ираке препятствуют выезду мигрантов в эти страны для борьбы за ИГИЛ. Например, по словам продавца на рынке в Иркутске, число желающих воевать в Сирии или Ираке уменьшилось после поступления информации о происходящих там зверствах: “Сначала было мало информации, и люди не понимали, что происходит в Сирии. Как только видеоролики или изображения зверств и массовых убийств невинных людей стали появляться в социальных сетях или в средствах массовой информации, большинство людей начали понимать, что это неправильный путь” (Ирку 5).

Аналогичным образом, некоторые из респондентов подчеркнули роль инициатив в области образования и повышения осведомленности. Руководитель общины из Хабаровска отметил, что “Таджикистан и Россия проводят большую работу, чтобы донести до всех реальную информацию об ИГИЛ и других экстремистских организациях” (Хаб 5). Более того, десять опрошенных (15 процентов) рекомендовали дальнейшее совершенствование образования, в частности, просвещение людей о реальной деятельности ИГИЛ, а также введение религиозного образования для предотвращения экстремизма. Например, водитель автобуса, чей брат был завербован, заявил: “Правительству необходимо расширять просветительскую работу и диалог с молодежью в школах и университетах” (Моск 7).

IV. Анализ

Мохаммед С Элшими

С ТОЧКИ зрения структурных мотивов участия в насильственном экстремизме, это исследование

показало, что имелись несколько провоцирующих факторов, которые, возможно, способствовали появлению и укреплению ощущения маргинализации, обособленности и отчуждения. Во-первых, из-за бюрократических и юридических проблем, связанных с процессом миграции, некоторые мигранты оказываются нелегалами и поэтому становятся уязвимыми во многих аспектах, в том числе перед экстремистскими вербовщиками. Во-вторых, исследование выявило экономическую эксплуатацию мигрантов различными субъектами в сочетании с их финансовыми трудностями и бедностью, что толкает некоторых на преступный путь, а иногда - к взаимодействию с вербовщиками в насильственный экстремизм, которые предлагают денежные стимулы. В-третьих, дискриминация, стигматизация и секьюритизация трудовых мигрантов могут привести к социальной маргинализации и усилить их отчаяние, которое может быть использовано организациями насильственного экстремизма.

Ключевым выводом на основе собранных данных является воспринимаемая респондентами связь между экономической изоляцией и насильственным экстремизмом. Объясняя, почему мигранты могут присоединяться к насильственному экстремизму, респонденты чаще всего указывали на финансовую мотивацию. Этот вывод поразителен, потому что аргумент о бедности как причине вербовки в экстремисты противоречит выводам других исследований. Многие богатые и образованные люди принимают участие в насильственном экстремизме и даже чаще всего руководят членами террористических организаций⁴⁰. Это объяснение чаще всего дается теми респондентами, которые напрямую не сталкивались с радикализацией людей. В отличие от них, респонденты, лично знавшие кого-то, кто был завербован и радикализирован для насильственного экстремизма, подчеркивали, что деньги не являются стимулом. В последнее время аналитики переосмысливают роль бедности и экономических факторов, и дискуссия выходит за рамки абсолютной бедности и вместо этого фокусируется на относительной бедности сравнительно с другими в обществе⁴¹. В контексте центральноазиатских трудовых мигрантов в России возможно, что абсолютная, а не относительная бедность играет большую роль в процессах маргинализации и изоляции, что может подтолкнуть лиц к насильственному экстремизму. Эта гипотеза требует дальнейшего исследования.

⁴⁰ Диего Гамбетта и Штеффен Хертог, *Инженеры Джихада: любопытная связь между насильственным экстремизмом и образованием* (Принстон, Нью-Джерси: Принстонский университет, 2017).

⁴¹ Томас Хехаммер, "Будущее джихадизма в Европе: пессимистический взгляд", *Перспективы терроризма* (выпуск 10, № 6, декабрь 2016 года); Европейский институт мира, Моленбеек и насильственная радикализация: Социальное картографирование, июнь 2017 года.

Тем не менее, другой ключевой вывод - это опыт социальной маргинализации, через который должны пройти некоторые трудовые мигранты. Это в значительной степени связано с растущей секьюритизацией трудовой миграции в России, которая, по данным опроса, усилилась после атаки в Санкт-Петербургском метрополитене в апреле 2017 года. Согласно данным, собранным для этого доклада, после инцидента мигранты были представлены в СМИ потенциальными террористами, и правоохранительные органы ужесточили подход к мигрантам. На символическом и оперативном уровнях сообщается, что мигранты стали проблемой безопасности. Однако секьюритизация отрицательно сказывается на восприятии мигрантами принимающей страны. Это усиливает разделение на своих-чужих, заставляя многих мигрантов чувствовать себя не только чужими в России, но и закрепляет их идентичность как мигрантов. Это также усугубляет обиды, которые используются затем в нарративах вербовщиков. В то же время, однако, большое количество опрошенных респондентов выразили мнение о том, что существует положительное сотрудничество с государственными структурами и органами безопасности. Они рассматривали эти отношения как фактор устойчивости, а не радикализации. Иначе говоря, хотя респонденты и ощущали, что становятся мишенью и жертвами последствий нападения в Санкт-Петербурге, не все чувствовали такое усиление негативного внимания.

Данные свидетельствуют о существовании в России групп насильственного экстремизма, действующих локально. Имена и данные этих организаций не были раскрыты, но ряд респондентов особо отметили роль людей с Кавказа и других стран Центральной Азии в процессах вербовки. Утверждения, сделанные большинством опрошенных о вербовке в насильственный экстремизм, основаны на восприятии и не подтвержденных фактах. Однако в тех случаях, когда собеседник лично знал того, кто был завербован или как-то иначе был информирован, полученные свидетельства рассматривались со всей серьезностью. Мнения респондентов о том, что некоторые кавказцы участвуют в насильственном экстремизме, вписываются в общую картину более длительного исторического опыта насильственного экстремизма на Кавказе⁴². Это также выглядит логично с оперативной точки зрения: кавказцы хорошо понимают культуру и местность России и обладают большей оперативной, материально-технической и технической базой, чем центральноазиатские граждане в России, - не говоря уже о международных связях с другими движениями салафитов-джихадистов на Ближнем Востоке и в Южной Азии.

Ряд респондентов указали, что на первом уровне вербовки обычно работает кто-то из родной этнической группы жертвы, который, в свою очередь, связан с более широкими кавказскими сетями. Это согласуется с выводами других исследований, которые показывают, что эффективная вербовка новобранцев осуществляется в течение длительного периода времени, в небольших кругах, с большим вниманием и заботой по отношению к жертвам⁴³. Вербовка ускоряется в условиях доверия и общения, через общие действия и ритуалы, которые укрепляют связи между вербовщиком и новобранцем, между индивидуумом и группой. Поэтому такой процесс чаще всего осуществляется людьми, которые имеют общие культуру и язык - даже если одной из самых отличительных характеристик салафиджихадистского движения является его акцент на глобализированной основе идентичности, которая должна заменить традиционные этнические и национальные формы идентичности. В этом

⁴² Джон Рассел, "Геополитика терроризма: конфликт России с исламским экстремизмом", Евразийская география и экономика (выпуск 50, № 2, 2013), стр. 184 -96; Прети Бхаттачарджи, "Чеченский терроризм (Россия, Чечня, сепаратист)", Совет по международным отношениям, апрель 2010 года.

⁴³ Скотт Атран, "Преданный субъект: безусловное обязательство и неразрешимый конфликт во всех культурах", современная антропология (выпуск 57, № S13, июнь 2016 г.).

исследовании, данные о вербовке сосредоточены на множественной тактике, используемой для заманивания уязвимых людей, включая деньги, религию и интернет.

Еще один важный вывод из данных состоит в том, что Россия представляет собой более благоприятную среду для пропаганды и принятия идей насильственного экстремизма, чем страны Центральной Азии, из-за совокупности различных факторов. Авторитарные правительства Центральной Азии менее толерантны к публичным религиозным практикам, чем Россия. У трудовых мигрантов больше шансов вступить в контакт с более радикальными версиями ислама в России, чем в своих родных странах, в том числе из-за лучшего доступа к интернету. Пребывание вдали от дома в чужой стране может подтолкнуть некоторых к принятию более категоричной формы идентичности, такой как глобальная исламская идентичность. Наконец, трудовые мигранты, особенно нелегальные мигранты, испытывают повышенное чувство уязвимости из-за специфики и нестабильности жизни мигрантов в России.

Респонденты подчеркнули роль интернета в радикализации и вербовке в насильственный экстремизм. Это позволяет молодым людям смотреть видеоролики с экстремистским содержанием, а также получать сообщения через такие приложения, как WhatsApp и Telegram. В России мигранты чаще сталкивались с насильственно-экстремистским контентом из-за лучшего доступа к интернету и доступности смартфонов. Это подтвердили два респондента, которые лично знали жертв вербовки. Однако из данных неясно, какова роль социальных медиа в вопросах радикализации. Тем не менее, важно отметить, что, согласно более масштабным исследованиям, интернет и социальные медиа сами по себе не вызывают радикализации в сторону насильственного экстремизма: они поощряют и разжигают насильственный экстремизм только в отношении тех, кто уже принял такое решение⁴⁴.

Каковы же факторы, способствующие радикализации и насильственному экстремизму среди центральноазиатских мигрантов в России? Нет единого мнения относительно того, что побуждает человека покинуть свою страну, чтобы присоединиться к террористической организации в другом месте. Наиболее распространенные мотивы, которые применяются в общественном дискурсе, а также политиками и самими насильственными экстремистами с 2002 года, это идеология и религия. Более широкая литература ссылается на другие стимулы, включая чувство общности, статус, месть, принуждение, идентичность, деньги и поиск приключений⁴⁵.

Самый неожиданный вывод, сделанный в ходе исследования для данного доклада, состоит в том, что большинство респондентов рассматривают денежные стимулы как основной мотив лиц, присоединяющихся к группам насильственного экстремизма. Объяснение, выделяющее “жадность” (деньги) в ущерб значимости “вероисповедания” (идеологии), отличается от доминирующего дискурса на Западе, который подчеркивает роль веры в насильственном экстремизме. В то же время в этом исследовании респонденты продемонстрировали заметную нехватку знаний об идеологии, как с точки зрения ее доктринальных особенностей, так и роли, которую она играет в продвижении насильственного экстремизма.

Тем не менее, авторы данного доклада далеки от того, чтобы воспринимать слишком доверчиво

⁴⁴ Тим Стивенс и Питер Р. Ньюман, “Противодействие онлайн-радикализации: стратегия действий”, политический отчет, Международный центр изучения радикализации и политического насилия, 2009 год.

⁴⁵ Халил и Цайтен, “Противодействие насильственному экстремизму и снижение риска”.

мнения респондентов о том, что экономические трудности/бедность/материальные стимулы приводят к радикализации. Данные, полученные из интервью с людьми, которые лично знали кого-то, кто был радикализован, более надежны, чем другие из выборки. Если смотреть с этого ракурса, то можно увидеть, что в этих случаях говорилось не о денежных и материальных стимулах, а о более идеологических и духовных факторах. Экономический стимул часто приводится в полученных ответах, но не подкреплен доказательствами, такими как конкретные примеры, истории жизни или судебные дела.

Вполне объяснимо, почему люди так думают. Во-первых, поскольку предметом опроса являются в основном экономические трудовые мигранты, денежные стимулы являются основным движущим мотивом в их жизни. Следовательно, они будут заикливаться прежде всего на этой мысли. Во-вторых, исторически это были общества с марксистской идеологией, где господствовала идея экономического детерминизма. Многим участникам было бы трудно поверить в движущую силу идей, которые, учитывая их статус мигрантов из бывших марксистских обществ, казались им чуждыми. Это может объяснить, почему некоторые ищут объяснения, которые вписываются в их текущие ментальные рамки. В то же время важно также учитывать, что собранные свидетельства, выходящие за рамки данного доклада, показывают, что деньги действительно являются одним из многих факторов, способствующих насильственному экстремизму, согласно восприятию участников опроса.

Роль религии получила различные и зачастую противоречивые объяснения. Одна из распространенных среди респондентов точек зрения заключается в том, что некоторые лица, вовлеченные в насильственный экстремизм, были обмануты идеями об экстремистском толковании ислама. Многие особенно винят тех, кого они называют “ваххабитами”. Согласно таким мнениям, ваххабиты убеждают легковверных молодых мигрантов, что они обязаны присоединиться к ИГИЛ. Более широкая литература подтверждает, что многие из тех, кто пополнил ряды бойцов ИГИЛ, были новичками в религии⁴⁶. Однако другая точка зрения заключается в том, что некоторые люди мотивируются желанием помочь мусульманам в их борьбе против репрессивных режимов, например, в Сирии. Согласно этой точке зрения, субъекты насильственного экстремизма не кажутся “уязвимыми” или безвольными, а скорее они воспринимаются как воодушевленные альтруисты, которые взяли на себя ответственность за защиту мусульман от режима Асада в Сирии.

Важно отметить, что данные показывают, что не существует типичного образа насильственного экстремиста или типичной “восприимчивости” к радикализации среди трудовых мигрантов. Редкие инциденты и относительно небольшое число вовлеченных лиц означают, что невозможно вывести среднестатистический портрет потенциального террориста. Однако среди трудовых мигрантов в России из Узбекистана, Таджикистана и Кыргызстана все же существует меньшинство лиц, которые уязвимы и подвержены риску насильственного экстремизма.

Из данных следует, что четыре типа людей воспринимаются как более уязвимые и в зоне риска по отношению к насильственному экстремизму: молодежь, нелегальные мигранты, необразованные мигранты и одинокие люди. Понимание того, что незаконные мигранты подвергаются большему риску втянуться в насильственный экстремизм, нуждается в дальнейшем изучении. Это правда, что

⁴⁶ Управление Организации Объединенных Наций по борьбе с терроризмом, “Углубление понимания феномена иностранных террористов в Сирии”, доклад, июль 2017 года.

нелегальные мигранты уязвимы чаще, чем легальные мигранты, но вопрос заключается в том, существует ли более высокая связь между нелегальными мигрантами и большим риском быть завербованным. Здесь следует проявлять осторожность: террорист-смертник в Санкт-Петербургском метрополитене, Акбаржон Джалилов, имел российское гражданство⁴⁷.

Далее, очевидно, есть понимание того, что недостаток образования повышает уязвимость к насильственному экстремизму. Это примечательно, учитывая, что образованные и интегрированные в общество люди тоже могут быть радикализированы. На самом деле, согласно более масштабным исследованиям, некоторые выходцы из Центральной Азии, кто стал насильственными экстремистами в России, были более образованными, чем типичные мигранты в России⁴⁸. Некоторые ученые, такие как Диего Гамбетта и Штеффен Хертог⁴⁹, выдвинули спорный тезис о том, что люди с высшим образованием, особенно в области технических наук, более уязвимы для исламской радикализации. Но в контексте трудовых мигрантов из Узбекистана, Таджикистана и Кыргызстана, которые находятся вдали от дома, вопрос о взаимосвязи между низким уровнем образования и уязвимостью к насильственному экстремизму требует более тщательного изучения.

Ключевым элементом, который лежит в основе данного исследования и который этот доклад не смог раскрыть, является связь между сложным разнообразием внутри узбекских, таджикских и кыргызских общин и влиянием, которое это могло бы иметь (или не иметь) на насильственный экстремизм, исходящий от этих общин. Многие культурные, социальные, экономические и исторические различия между этими странами и народами являются темой гораздо более масштабного исследовательского проекта. Но в ходе исследования были выявлены некоторые проблемы, в частности, относительно восприятия людьми друг друга. Например, по данным опроса, мигранты из Кыргызстана редко общаются с выходцами из других центральноазиатских стран, считают себя более самостоятельными и образованными по сравнению с другими мигрантами из региона. Многие респонденты также продемонстрировали значительную степень предвзятости в отношении этнических узбеков, в частности из южного Кыргызстана, которые считались проблематичными.

Из трех сообществ мигрантов, исследованных в данной работе, узбеки больше всех говорили о проблемах в связи с российской миграционной системой, отчасти из-за того, что, в отличие от мигрантов из Кыргызстана, они не являются участниками Евразийского экономического союза (ЕАЭС). Мигранты из Таджикистана воспринимаются как наиболее религиозные из всех трех сообществ, а также наиболее сплоченной диаспорой. Таджикские респонденты были менее озабочены тем, что их страна не является членом Евразийского экономического союза. Логично было бы ожидать, что членство в ЕАЭС должно облегчить интеграцию мигрантов и получение ими рабочих мест, что, в свою очередь, должно уменьшить проблемы, связанные с радикализацией и насильственным экстремизмом - тот факт, что это, по-видимому, не так, может быть интересным свидетельством, но трудно доказуемым на основе имеющихся данных. Важно также отметить, что численность трудовых мигрантов из трех стран сильно различается: мигранты из Узбекистана составляют подавляющее большинство трудовых мигрантов из Центральной Азии в России. Учитывая предвзятость и обобщения, очевидные в ответах участников относительно их собственных и других этнических групп, авторы этого доклада предпочли избежать

47 BBC News, "Смертник из Санкт-Петербургского метро был родом из Кыргызстана", 4 апреля 2017 года.

48 Лемон, "Даш и Таджикистан".

49 Гамбетта и Хертог, "Инженеры Джихада".

тщательного сопоставления различий между тремя общинами и того, как они формировали возникновение насильственного экстремизма среди меньшинства.

Основываясь на данных опроса, можно считать, что радикализация и вербовка в насильственный экстремизм являются не самой главной проблемой для трудовых мигрантов из трех стран Центральной Азии, охваченных этим исследованием. В чем причина? Участники выявили несколько потенциальных источников устойчивости: российские власти, лидеры общин, работа, семья, включая наставничество старших родственников или бригадиров на работе; религия и образование. Фактически, за исключением незначительных различий, эти факторы последовательно упоминались в контексте всех трех стран Центральной Азии.

Тем не менее, выявлено два специфичных представления об источниках устойчивости, которые стоит здесь упомянуть: (1) положительная роль российских властей и (2) положительная роль лидеров сообщества. Что касается первого пункта, важно подчеркнуть, что данные могут быть противоречивыми. В то время как негативный опыт контакта с властями - например, облавы на мигрантов со стороны правоохранительных органов России после взрыва бомбы в Санкт-Петербургском метро были отмечены как потенциальный провоцирующий фактор на структурном уровне, однако несколько респондентов все же подчеркнули способность государства обеспечивать безопасность как защитный фактор. Здесь важно повторить, что, согласно исследованиям, государственная политика с высокой степенью секьюритизации может вызвать недовольства⁵⁰. Тем не менее, как отметили некоторые респонденты, в конечном итоге эффект оказывается положительным с точки зрения обеспечения защиты от насильственного экстремизма и терроризма.

Второй момент, касающийся восприятия эффективных лидеров сообщества, дает ценное представление о факторах устойчивости. Многие собеседники подчеркнули позитивную роль лидеров общин в оказании поддержки мигрантам, когда они помогают приспособиться к жизни в России, а в некоторых случаях (например, лидеры мечетей) продвигают альтернативные нарративы в ответ на экстремистскую пропаганду. Лидеры сообществ включают в себя лидеров диаспоры, лидеров организаций гражданского общества, консульских и дипломатических представителей, предпринимателей, бригадиров и профсоюзных лидеров на работе и религиозных лидеров. Большинство респондентов считает, что лидеры общин в той или иной форме установили хорошие отношения с властями, заботятся о благосостоянии и интересах своих общин и воспринимаются мигрантами как примеры для подражания. Важно обеспечить поддержку этих пространств и лидеров: они обеспечивают устойчивость.

⁵⁰ Марк Сагеман, "Ошибочное понимание терроризма" (Филадельфия, Пенсильвания: Университет Пенсильвании Пресс, 2017); Шади Хамид, "Исламская исключительность: как борьба за ислам перекраивает весь мир" (Нью-Йорк, Нью-Йорк: Пресса Св. Мартина, 2016).

V. Заключение

Мохаммед С Элшими и Раффаелло Пантуччи

РАСПРОСТРАНЕНИЕ насильственного экстремизма приводит к существенным политическим,

социальным, психологическим и экономическим издержкам, а также оказывает значительное влияние на региональном и международном уровне. Данный доклад стремился заполнить информационный вакуум относительно причин присоединения отдельных трудовых мигрантов в России из Узбекистана, Таджикистана и Кыргызстана к насильственному экстремизму. Благодаря контекстуальному методу, в рамках данного исследовательского проекта удалось собрать данные, которые дают важные новые сведения о радикализации и вербовке в насильственный экстремизм в среде трудовых мигрантов из Узбекистана, Таджикистана и Кыргызстана в России, а также подтверждают результаты других исследований и ставят вопросы, требующие дальнейшего изучения.

Более детально рассматривая радикализацию в сторону насильственного экстремизма, важно определить, какие естественные источники устойчивости уже существуют и укреплять их. Хотя отношения между государством и трудовыми мигрантами не всегда идеальны, исследования показали, что в некоторых случаях были созданы хорошие коммуникационные сети, и они сыграли важную роль в удержании людей от экстремистских идей. Это нужно поощрять. Кроме того, проблема радикализации - это та проблема, которая затрагивает все общество, поэтому для решения этой проблемы необходимо более тесное сотрудничество и обсуждение между Россией и тремя центральноазиатскими государствами. Учитывая, что люди покидают зоны военных действий в Сирии и Ираке и в некоторых случаях возвращаются домой, появилась возможность расширить сотрудничество и взаимодействие.

Наконец, число трудовых мигрантов, которые обращаются к насильственному экстремизму, очень ограничено. Это важно помнить, поскольку иначе существует опасность, что возможное усиление стигматизации всего сообщества мигрантов приведет к большей отчужденности и конфликту и в конечном итоге усугубит проблему радикализации. Учитывая растущее число центральноазиатских граждан, которые получают известность как организаторы громких террористических актов по всему миру, уже наметился устойчивый сдвиг в общественном дискурсе о выходцах из Центральной Азии, участвующих в насильственно-экстремистской деятельности. Эту тенденцию не следует усугублять, и важно контролировать проблему на соответствующем уровне.

Приложение

Трудовые мигранты из Узбекистана

Таблица 1: Респонденты

Всего инт	Неиспользованные интервью	Оставшиеся интервью	Участники фокус группы
67	15	52	3 узбека в возрасте 20–29 лет

Таблица 2: Возраст респондентов

20–29	30–39	40–49	50–59	60–69	Неизвестно
6	12	15	14	4	1

Таблица 3: Пол респондентов

Муж	Жен
44	8

Таблица 4: Этническая принадлежность респондентов

Всего из Узбекистана	В том числе				
	45	Узбеки	Узбекские таджики	Русские таджик	Таджики
	41	1	1	1	1
Всего не из Узбекистана	В том числе				
	7	Русские	Татары	Дагестаны	Неизвестно
	3	2	1	1	

Трудовые мигранты из Кыргызстана

Таблица 5: Респонденты

Всего интервью	Неиспользованные интервью	Оставшиеся интервью	Участники фокус группы
83	0	83	15 кыргызов в возрасте 19–30 лет

Источник: Фокус группа ФГ1 проведена в Красноярске с участием 7 кыргызских респондентов; фокус группа ФГ2 проведена в Санкт-Петербурге с участием 3 мужчин-кыргызов, работающих на строительную компанию; и фокус группа ФГ3 проведена в Санкт-Петербурге с участием 5 мужчин-кыргызов, работающих на турецкую строительную компанию.

Таблица 6: Возраст респондентов

19–29	30–39	40–49	Старше 50
30	13	26	14

Таблица 7: Пол респондентов

Male	Female
Кыргызы	
43	12
Узбеки	
24	3
Азербайджане	
1	0

Таблица 8: Этническая принадлежность респондентов

Всего из Кыргызстана	В том числе		
	Кыргызы	Узбеки	Азербайджане
83	55	27	1

Трудовые мигранты из Таджикистана

Таблица 9: Респонденты

Всего интервью	Неиспользованные интервью	Оставшиеся интервью
68	3	65

Таблица 10: Возраст респондентов

Моложе 20	20–29	30–39	40–49	50–59	60–69
1	23	16	16	11	1

Таблица 11: Пол респондентов

Муж	Жен
57	8

Таблица 12: Этническая принадлежность респондентов

Всего из Таджикистана	В том числе		
	Таджики	Узбеки	Кыргызы
65	61	3	1

Об авторах

Д-р Мохаммед Элшими является научным сотрудником Группы по вопросам национальной безопасности и развитию устойчивости (NSR) в Королевском объединенном институте оборонных исследований (RUSI). Он является одним из ведущих экспертов по превентивной стратегии в рамках антитеррористической политики и программ по де-радикализации Великобритании. Его исследования охватывают область противодействия насильственному экстремизму (ПНЭ) и борьбы с терроризмом. Он имеет степень доктора философии от Университета Эксетера, степень магистра международных исследований и дипломатии от SOAS, а также степень бакалавра истории от UCL.

Его книга “Политика де-радикализации в Великобритании: безопасность, идентичность, религия” был опубликован издательством Routledge в феврале 2017 года. Он является одним из ведущих инструкторов, которые проводят обучение по ПНЭ для делегатов ЕС в Европе, Африке, Юго-Восточной Азии и Центральной Азии в 2017-2018 годах. В качестве соавтора исследовательского проекта, он оценивал уровни террористических рисков в Судане для HMG. Он также рассмотрел концепцию устойчивости в отношении насильственного экстремизма для HMG. Мохаммед был выбран экспертом для Группы экспертов по ПНЭ Содружества в 2018 году, которая нацелена на обмен знаниями в рамках Содружества. Он также был соавтором исследовательского проекта, изучающего радикализацию трудовых мигрантов из Центральной Азии в России. В настоящее время Мохаммед работает над проектом Предотвращение II, целью которого является оценка воздействия программ по ПНЭ на глобальном уровне.

Рафаэлло Пантуччи является директором по исследованиям в области международной безопасности в Королевском объединенном институте оборонных исследований (RUSI). Его исследования касаются борьбы с терроризмом, а также отношений Китая с его западными соседями. До прихода в RUSI Рафаэлло жил более трех лет в Шанхае, где он работал приглашенным исследователем в Шанхайской академии общественных наук (SASS).

До этого он работал в Лондоне в Международном институте стратегических исследований (IISS) и Центре стратегических и международных исследований (CSIS) в Вашингтоне. Он также занимал должности в Европейском совете по международным отношениям (ECFR) и являлся сотрудником Международного центра изучения радикализации (ICSR) в Королевском колледже в Лондоне.

Он является автором книги “Мы любим смерть так же, как вы любите жизнь: террористы из британских пригородов” (Лондон: Херст, апрель 2015 г. / США: издательство Оксфордского университета, готовящееся к публикации), описанное The Financial Times как “наиболее ясно сформулированное и тщательно проведенное исследование “пригородных террористов” Британии на сегодняшний день”.

В настоящее время он завершает академический проект, посвященный интересам Китая в Центральной Азии. Его журнальные статьи появились в Survival, The National Interest, Studies in Conflict and Terrorism, Terrorism and Political Violence и в журналах RUSI среди других, а его журналистские статьи были

опубликованы в New York Times, Financial Times, Wall Street Journal, Sunday Times, CNN, Guardian, Foreign Policy, South China Morning Post и других.

Сара Лэйн является сотрудником Королевского объединенного института оборонных исследований (RUSI). Сара Лэйн работает в Киеве в качестве советника по исследованиям программы Евразийской Программы Центра гуманитарного диалога (HD). До прихода в HD она была научным сотрудником RUSI в группе по изучению международной безопасности, специализируясь в области постсоветской внешней политики, в частности, в России и Центральной Азии.

Исследования Сары сосредоточены на внешней политике России, в частности, в отношении ЕС, Украины и Сирии, а также на растущем влиянии Китая в Центральной Азии и на то, как это влияет на отношения России с регионом. Она также основала двусторонний диалог по двусторонней безопасности между Россией и Великобританией Russia-UK track II, в рамках которого проходят встречи представителей аналитических центров и ученых из России и Великобритании для обсуждения проблем безопасности в двусторонних отношениях. Помимо внешней политики, Сара имеет особый интерес к области финансовых преступлений и незаконного финансирования, исходящего из постсоветских стран. В 2016 году она занимала пост советника Комитета по иностранным делам Парламента Великобритании, помогая им в расследовании вопросов двусторонних отношений между Великобританией и Россией.

Надин Л Салман - кандидат на степень доктора в Университетском колледже Лондона (UCL). В ее текущих исследованиях основное внимание уделяется применению, обоснованности и надежности инструментов оценки террористических рисков, которые используются для оценки и определения приоритетности рисков со стороны потенциальных насильственных экстремистов. Надин имеет степень бакалавра в области психологии и степень магистра в области криминалистики от UCL. Ее предыдущие научные исследования касались факторов, влияющих на обнаружение обмана в полицейских интервью, а также связи между терроризмом и незаконным оборотом наркотиков. Надин также ранее проводила исследования по вопросам терроризма, торговли людьми, контрабанды мигрантов и киберпреступности с Управлением Организации Объединенных Наций по наркотикам и преступности и с правоохранительными органами Великобритании.